

ДЕТИ РЕФОРМ

Пьеса для юношества в 3 действиях

*Светлой памяти моего учителя Наума Лазаревича Лейдермана
посвящается*

Действующие лица:

Гутя (Августа Васильевна) – юбилярша, сухонькая старушка с сильным характером, 90 лет.

Баба Вера – её сестра, пенсионерка со слуховым аппаратом, заботливая и доверчивая, несколько рассеянная, 80 лет.

Мария – дочь бабы Веры, преподавательница в школе и в доме, прямолинейная дама 50 лет.

Сергей – сын Марии, немногословный молодой человек, 27 лет.

Мишка – сын Марии, худощавый бойкий подросток, увлечённый историей, 15 лет.

Галина – внучка Августы Васильевны, гостья с Украины, скромная и деликатная дама 47 лет.

Макс – сын Галины, накачанный юноша, по виду скинхед, 17 лет.

Ольга – дочь Галины, бойкая девица, 25 лет.

Ирина – дочь Галины, студентка, 21 год.

Борис (Бахитжан) – внук Августы Васильевны, высокий солидный мужчина, приехавший из Казахстана, 35 лет.

Флюра – его жена, скромная милая женщина на небольшом сроке беременности, впервые в этих местах, 30 лет.

Павел – муж Галины, потрёпанный мужчина около 50 лет.

Конец лета. Небольшой уральский посёлок, в котором большая семья готовится отметить юбилей девяностолетней бабушки. Ждут гостей издалека, давным-давно не виделись, волнуются, что все неузнаваемо изменились, уже выросли поколения, которые мало знают друг о друге. Экономические и политические реформы в некогда едином государстве не позволяли долгое время приезжать в когда-то родные края, к близким людям.

Действие I

Картина 1

В светлой комнатке бабушки Гути на стенах старые фотографии в рамках, в углу небольшая иконка. На двух аккуратно заправленных кроватях старинные подзоры, кружевные покрывала, подушки горкой с накидушками. На стенах возле кроватей добротные ковры. На столе накрахмаленная белая скатерть, связанная крючком. На этажерке, стоящей в углу, вышитые салфетки, там же несколько толстых растрёпанных фотоальбомов. На тумбочке большой современный телевизор. Две старые женщины в потрёпанных халатах, в передниках, с белыми платочками на

головах готовятся к приезду долгожданных гостей, одна поливает цветы, другая складывает в коробку лекарства, им помогает Мария.

Мария (*громко кричит, так как обе бабушки не очень хорошо слышат*). Э-э-эй, бабулечки-и-и! Фотографии-то я поближе положу. (*Ходит от этажерки к столу*). Слышите? Поближе, говорю! Гости-то придут, смотреть станут, расспрашивать. Так вы и расскажите!

Баба Вера (*вслушиваясь*). Ты говоришь, покажите?

Мария (*с укором*). Ма-а-а! Да надень ты этот слуховой аппарат, в конце концов! Чего ты, в самом деле!

Баба Вера (*смущаясь*). Дак я это... Берегу его... Новый ведь! Жалко! (*Показывает на сестру*). Уж она, бывает, кричит, как заполошная, а я не слышу совсем!

Гутя (*разъясняет*). Хотя в соседней комнате... Телевизер так громко слушат, что соседи приходили, думали, что мы выключенным его оставили...

Мария (*жалуясь тётке*). Знаете, что удумала: бережёт батарейки!

Баба Вера (*встрепенувшись, прислушиваясь*). Что? Что сказать Андрейке?

Мария (*опустив руки и покачав укоризненно головой*). Не береги, говорю, батарейки! (*Сложив руки трубочкой, приближаясь к уху матери, произносит по слогам*). Не бере-ги ба-га-рей-ки!

Баба Вера (*гладит дочь по руке, заглядывает в глаза*). Ага! Ладно, дочка! Не буду! Как скажешь!

Гутя. Вот ведь, Веруня! (*Укоризненно качает головой*). Упал у ей этот аппарат на пол, сломался, ак она даже не признаётся!

Баба Вера (*вслушиваясь*). Кто зазнаётся? (*С тревогой*). Я – нет! (*Мотаёт головой*).

Мария (*махнув рукой*). Да не ты, конечно! Святая простота! (*Обнимает сочувственно мать*).

Гутя (*вглядываясь в окно*). Да не ты, Веруня, не ты!

Мария (*обращаясь к тётке*). Если б не вы, тётя Гутя, так бы она и ходила вприглядку и вприслушку! И не призналась бы, такая вот деликатная, такая застенчивая, ну, просто сверх меры! Чего бы своим-то не сказать? А вы позвонили, я купила, Серёга привёз!

Гутя. Хороший у ты парнишко! Уважительный! Издалека приехал, не поленился! Не забыл своих баушек!

Мария. Скажете тоже! Обыкновенный, сами растить помогали...

Баба Вера (*напряжённо следит за губами*). Уже сказали Гале?

Мария (*в сердцах*). Нет, это выше моих сил! (*Уводит мать в другую комнату, возвращается и заставляет её надеть слуховой аппарат*). Я тебе этих батареек горсть куплю! Понимаешь?

Баба Вера (*сосредоточенно надевает его на ухо, что-то подкручивает там. Аппарат свистит, выдаёт какие-то скрипы, шорохи, затем затихает*).

Баба Вера (*удовлетворённо*). Ну, вот! (*Немного смущаясь*). Я теперь как новая! (*По-молодому встряхнула головой, весело оглянулась*). Всё слышать!

Гутя (*по-прежнему громко*). Давно бы так! (*Тише*). А то полдня орали, надрывались!

Мария. Вот что, бабульки! Вы тут подарки гостям приготовили, так давайте я их достану. (*В сторону*). А то ползете, да ещё, неровен час, навернётесь! Собирай вас потом по частям!

Мария (*подставляет стул к шкафу, с антресолей достаёт какие-то наволочки, простыни, полотенца и прочее. Гутя указывает, что брать, а сестра протягивает руки, потом уносит вещи на кровать*).

Баба Вера (*раскладывает с довольным видом*). Вот сколь у нас добра! Подальше положишь, поближе возьмёшь!

Гутя (*поднимая указательный палец вверх, подчёркивая значимость момента*). Накопили! Для вас берегли! (*Подмигивает сестре*). Что вчера сберегли, сегодня пригодится! Так ведь, Веруня?

Баба Вера (*удовлетворённо*). Так! (*Разворачивает одно за другим яркие полотенца, любит*). Смотрите, полотенчики какие бассенькие!

Мария (*в сторону*). Небошь, ещё со времён великого кормчего Мао! Со времён китайско-советской дружбы! (*С укоризной*). Ма-а! Да уж всё не в дефиците, а у вас по-прежнему эвересты наволочек и полотенец! (*Заглядывает вглубь полки, привстает на носочки, тянется изо всех сил, чтоб достать всё там находящееся*). Носки разные! Всех размеров! От лилипутских до дяди Стёпиных! Чулки нитяные! (*Носки, большие мужские и маленькие детские, коричневые чулки в большом количестве подают возле стула*). Тюль какой-то старый! (*В сторону*). Пожелтевший от времени!

Гутя (*с достоинством*). Запас-от карман не тянет! (*Поднимает носки, смотрит на этикетки, надев очки*). Эти ещё по талонам давали! (*Обеспокоено*). Сказывают, девка, кризис-то экономический затягивается, а мы того...

Баба Вера (*подхватывает сестрины слова*). Подготовленные! У нас и комбинации шёлковые есть, и рейтузы разных размеров, и гамаша новёхонькие! Даже кальсоны тёплые, с начёсом! Дедко не износил!

Мария (*таращит глаза*). Ага! Сейчас! Кто-то кальсоны ваши наденет! Сынки мои что ли? (*Продолжает доставать какие-то свёртки с антресолей*). Ну, вот чего только у вас тут нет! Всякого барахла...

Гутя (*тревожно*). Не доставай! (*Громко*). Не трожь! Положи на место! (*Упрашивает*). Не-е на-а-а-до-о-о!

Мария (*не прислушиваясь, тащит что-то из глубины антресолей*). Да, небошь, варежки какие-нибудь! Шалёшка пуховая! У цыганок с рук купленная... На каком-нибудь вокзале... Дореволюционная... Так ведь моль почикает... Знаю я вас! (*Свёрток падает из рук, на полу оказывается большой, в несколько метров, кусок синего крепдешина в белый горошек*). Ничего себе! (*Присвистнув от удивления, она держит конец отреза и разглядывает его*). Красота-то какая! Настоящая красота!

Августа Васильевна неожиданно замерла среди комнаты, прижав руки к груди, потом медленно, держась за стол, присела на краешек стула.

Баба Вера (*испуганно переводит глаза с сестры на свою непослушную дочь, в волнении трогает своё ухо, аппарат начинает шуметь, свистеть*). Ой! Не надо! Положи на место! От греха подальше! (*Пытается отнять, тянет за полотно*). Отд-а-а-ай!

Мария. Да вы чего взбеленились-то обе? (*Спускается со стула, набрасывает ткань на одно плечо, на другое, повязывает на себя, как индийское сари, вертится, смотрится в зеркало*). Не убегу я с вашим отрезом! Полюбуюсь только! Откуда это такой крепдешин у вас?

Гутя (*тяжело вздохнув, достала из рукава платочек, промокнула глаза. Посмотрела в сторону сестры, но та лишь растерянно пожала плечами*). Видно, время пришло... Расскажу сегодня... Потом. Когда Галина с Мариком да с девоньками с города приедут! (*Покачалась из стороны в сторону, полузакрывает глаза, из которых по морщинкам скатилось несколько слезинок*). Надо сказать... Пора!

Баба Вера (*виновато машет дочери, чтоб та сняла ткань и уходила побыстрее, обнимает сестру за плечи, крепко прижимает к себе. Гутя утыкается ей в грудь и беззвучно плачет, худенькие плечи вздрагивают. Сестра невидящими газами смотрит*

в окно, как в забыты повторяет). Потом! Всё потом! Гале... Марику... Девочкам... Маше... Сергуле... Митюше... Борису... (Затем бережно собирает и свёртывает ткань, прижимая к себе и разглаживая). Видно, время пришло!

Мария в недоумении выходит, разводя руками. Старухи остаются среди разбросанных и разложенных по комнате вещей, затем баба Вера усаживает сестру в широкое кресло, даёт таблетку и стакан воды, успокаивает, гладит, уходит, оставляя сестру одну.

Картина 2

Слышны голоса, суета в прихожей и кухне, долгожданные гости, наконец-то, приехали. Всюду стоят чемоданы на колёсиках, какие-то коробки, пакеты. На полу модные туфельки, несколько пар. Тётушка уводит гостей в баню, чтоб те освежились с дороги. Посреди поклажи стоит накаченный молодой человек, чешет затылок, вспоминает, всё ли достали из машины. Он чувствует себя крайне неловко, так как никого здесь не знает, топчется на месте.

Баба Вера (пристально взглядываясь в гостя). Заходи-заходи, Марик! Мы уж ждём-не дождёмся! Заходи, родной!

Макс (в сторону). Да я не Марик! Я Макс! (Увидев слуховой аппарат в ухе, говорит громко). Здоровеньки булы!

Баба Вера. Доброго здоровьичка! (Торопливо вытирает руки тыльными сторонами о передник, протягивает ладонь, но Макс её словно не видит). Я – Вера Васильевна, баба Вера! (Неловко пытается приобнять гостя). Родная тётя твоей бабушки Симы. Царствие ей небесное! (Креститься, отыскивая взглядом икону.) Двоюродная бабушка твоей мамы Галины. Дай Бог ей здоровья! (Снова креститься, кланяясь на образа).

Макс (равнодушно). Угу! (Топчется на месте, смотрит себе под ноги, не зная, проходить ли вперёд, снимать ли обувь).

Баба Вера (разглядывая гостя, дивясь). Какой ты большой, Марик! Баскушший! Как две капли воды! Павлуша вылитый!

Макс (равнодушно). Ага!

Баба Вера (замешкалась). А именинница прилегла, устала. Всё-таки завтра – 90 лет! Шутка ли! (Вглядывается). А ты раздевайся, внучок! Куртку сымай! Погоды-те тёплые стоят! И ботинки сымай! Гликося, какие у тебя ботинки тяжёлые! Высокие! Дорогушшие, небось? Девчата вона в туфельках... А ты чего эта? По жару?

Макс (неловко снимает один за другим, оставшись в носках). Куда их? (Мотает головой в сторону своей обуви).

Баба Вера. Счас, счас, милоч! На веранду тока поставлю! (Несёт на вытянутых руках в коридор, возвращается). Ох, и тяжелушие! Как ты с имя справляешься? Ноги-от не устают?

Макс. Не-а! Удобно, когда надо!

Баба Вера (любопытствует). А чего шнурки-те белые? Маркие ведь? Стирать если, дак порошок сколь надо? (Продолжая разговаривать сама с собой). Если хочешь, я тебе чёрные дам? У нас с Гутей есть подобранные. Из лыжных ботинок... Ага! Длинные такие! Почти что новые, без узелков! (Спихватилась). Чего это я? Мой руки, проходи к столу. Сейчас чаю попьём!

Провождает на кухню, усаживает. Откидывает салфетку, подвигает тарелку с угощением.

Макс (оглядывается). А где все?

Баба Вера. Дак с дороги сполоснуться Мария их повела... Придут, придут! Шутка ли столько ехали! *(Интересуется)*. Сколько?

Макс. Четыре дня! Почти.

Баба Вера *(качает головой)*. Надо же! *(Наливает чай, придвигает тарелки)*. Ты бери шанежки-те! Бери! Скусные! Симочка такие любила! С картошечкой вот! Творожные! *(Любуется на гостя, положив подбородок на сложенные руки)*. Она какой детина вымахал! Сима жива была, карточки-то слала! Ага! *(Припоминает)*. В детском саду в бескозырке! В первом классе ещё! За партой, подле глобуса! Смешной такой, чёрненький, кучерявый! Картинка просто!

Макс *(равнодушно)*. Да ну...

Баба Вера. Гутя всё соседкам хвасталася, какой у нас Марик баскушший на Украине растёт! Сима всё нарадоваться не могла! *(Встает, чтоб подогреть чай)*. Жалко кудряшки-то состриг! Понимаю – жарко! А может, мода у вас такая, Марик?

Макс. Да не Марик я! *(С набитым ртом)*. М-а-к-ш я!

Баба Вера *(трогает свой слуховой аппарат, который внезапно посвистывает; смущаясь отходит к окну, вертит какие-то колёсики)*. Сейчас, сейчас...

Макс. М-а-а-а-к-ш я! *(Проглотив кусок и запив его чаем)*. Макс я!

Баба Вера *(встрепенувшись)*. А? А баушку-то Симу помнишь? С вами одно время жила? Вас растить помогала!

Макс *(раздумывая)*. Ну-у-у, так! Слабо!

Баба Вера. Золото, а не человек была! Умерла когда, за ей вся родня ревела! До веку ушла... Ей бы жить да жить ещё! Дак детство трудное было, военное! *(Разводит руками)*. Откудова здоровью-то взяться? Всю жизнь хрупкая была, в чём душа держалась! Выучилась, работать рано начала. Но всегда на почёте! Всегда! Все к ей с уважением, так как специалист хороший! Счас так-от не рабливают! Небось, так-от к больным детям по ночам не соскакивают!

Макс *(равнодушно)*. Ну-у-у, не знаю...

Картина 3

На кухню впорхнули сёстры Макса, румяные, довольные, с полотенцами на головах, в лёгких халатиках. Следом за ними, обмахиваясь и пошатываясь, их мать Галина.

Баба Вера *(приветливо)*. С лёгким паром, девоньки! Выпейте чайку с устатку? Или, может, кваску? Может, морсу навести? У нас всё есть! Клюква. Смородина.

Баба Вера, взяв тарелку, раздаёт им ватрушки.

Ирина. Ой, баб Вер! Ничего не надо пока! *(Обращаясь к брату)*. Баня – класс! *(С улыбкой берёт предложенную ватрушку)*. Дзянкую! *(Спохватывается)*. Спасибо!

Ольга *(закатывает глаза вверх, постанывает от удовольствия)*. Дайте отлежаться! *(Уходит в соседнюю комнату, падает на диван, но всё видит и слышит)*. Ой, не мо-о-огу-у-у! Хорошо-то как! *(Смачно жуёт данную бабкой плюшку)*. Ф-фкус-но-тищ-ща!

Баба Вера *(заботливо)*. А может, вы кушать хотите? Так можно ушку похлебать! Мишаня утром окунишков, песканов надёргал. Ак мы ушку-то и сварили! Али плохо, свеженькой-то поесть?

Макс *(равнодушно)*. Я нэ хотив!

Галина *(машет рукой)*. Ну, будет... *(Вспоминает)*. Как это по-уральски? Навяливать! Мы ещё от бани не отошли! *(С восторгом)*. Напарили-и-ись!

Баба Вера. Вишь ты... *(Довольно)*. Не всякий выдюжит. Баня парит, баня и правит. Для здоровья полезно! *(Пустилась в воспоминания)*. Мы зимой, бывало, и в снег после

парилки-то плюхались. *(Повела плечами, обхватив их и потерев)*. А мужики, верите ли, в пролубь! Ага! Перед баней да к речке дорожку лопатами расчищали, потом полдня лёд колотили...

Ольга *(насмешливо из другой комнаты)*. Шо це таке? И не лень?

Баба Вера. Мы дуршлагами ледышки вычерпывали... Дак полынью-то опять быстро затягивало... *(Смущается)*. Баловство, конечно!

Макс *(иронично)*. Зато ру-у-уские мужики крепкие были, раз в прорубь ныряли! Ру-у-у-сская народная забава!

Баба Вера *(простодушно)*. Ак все так ту закалялися! Русские-нерусские. У нас ведь разницы нету! Егорка с Ринаткой, соседи, Мирас с Василием, дядьки ваши... Всем в пролуби-то скупнуться охота!

Галина. Помню, ещё до замужества, мы с Павликом приезжали... Не зимой, нет, осенью поздней. Так он в холодную воду нырял! Правда! *(Прижимает руки к груди)*. Я так боялась! Вдруг судороги! Омут! *(Вспоминает)*. Красивый был...

Макс *(в сторону, презрительно)*. Краси-и-ивый... Ага...

Баба Вера *(задорно)*. Хороший мужик! Шобутной!

Галина *(эхом)*. Хороший... Шобутной...

Баба Вера *(осеклась, не знает, как быть, но решает похвалить отца перед детьми)*. Помнишь, Галина, какие он поленницы складывал? Полешко к полешку! На загляденье! Соседи дивилися! Ровно огонёк работал! Не задавался, хоть и городской был! *(Детям)*. Отец-от ваш! Павлушка!

Галина *(поднимая глаза на детей, на сына)*. На загляденье...

Баба Вера *(спохватившись)*. Марика попариться надо отправить! С дороги-то, чтоб вымылся, выспался, а завтра, как огурчик, был!

Ольга *(из другой комнаты)*. Там тётъ Маш дров подкинула, так что, братец, уши береги! Жжет!

Ирина. Воды холодной пару вёдер захвати, а то не хватит... Мозги закипят!

Галина. Так пусть это... *(Смущаясь чего-то)*. Как Павлуша, в речку нырнёт... Там ведь не глубоко, наверное... *(По новому посмотрела на повзрослевшего сына, так похожего на отца. Подошла, захотела погладить, прикоснулась, но тот только дёрнул плечом)*.

Баба Вера. Конечно, как Павлуша... *(Суется)*. Я только полотенчико вынесу... Сейчас, сейчас... *(Уводит за собой Макса)*.

Картина 4

Дочери лежат на диване, мать стоит у комода, смотрит в большое старое зеркало, расчёсывает медленно волосы.

Ирина. Мам! Ты чего такая грустная? Устала? *(Открыла косметичку, намазывает руки кремом, передаёт тюбик сестре)*.

Ольга. Устанешь тут! Дорога! Баня! Плюшки!

Ирина. Прикинь, они их тут шанежки называют. Чудно! Но вку-у-усные!

Галина *(как бы очнувшись)*. Нет, не то... Я так давно здесь не была! Лет двадцать! Ну, как Союз рухнул... А Украина стала заграницей... Паспорта стали другими... Деньги... Успела вас свозить до этой катавасии, но вы крошки были: три и пять лет...

Ольга *(напрягаясь)*. Я что-то смутно-смутно помню... Дед Вася играл на баяне, а все плясали... Весело так, вприсядку...

Галина. Какая я здесь молодая была! Счастливая! *(Закрывает лицо руками)*. Мы с Павликом тут за баней целовались! В саду сидели... Возле речки гуляли... Вечера

такие дли-и-и-нные были... А сейчас сын отца ненавидит... *(Подумав)*. И меня тоже... Горько всё это. Душа болит.

Ирина *(участливо)*. Мам, не надо! *(Подает крем)*.

Галина *(горько)*. Как родным всё объяснить, ведь они ничего толком не знают... Что у нас происходит... Стало происходить, как мамы не стало... *(Задумывается, ходит из стороны в сторону, потирая в волнении ладони, механически растирая крем)*. Стало – не стало... Как она скрепляла всю нашу большую семью. В самую трудную пору приехала, в безденежье, с вами помогала, на кружки вас водила... Сыночку диагноз не так поставили, чуть на то свет не отправили... Так здесь вся родня поднялась! Деньги на самолёт собрали, чтоб мама к нам прилетела с Урала... Потом сама внука выходила, на ноги подняла... Павлуша её очень уважал, только по имени и отчеству называл. А я всё время вспоминаю, как нам хорошо вместе было!

Ольга *(в сторону)*. Было и сплыло... *(Громче)*. Чего печалиться? *(Поднимается, обнимает мать за плечи, пытается растормошить)*. Мы тебе здесь, в России, ещё мужичка найдём! По Интернету! *(Придирчиво оглядывает мать)*. Кого тут вспоминали? *(Передразнивает)*. «Ровно огонёк!» Это ты наш огонёк! Вот и свети нам! Нам этого, честно, достаточно!

Ирина. Смотри, как нам все здесь рады, и всё через тебя!

Галина *(мотает отрицательно головой)*. Не-е-е-ет, через маму мою, Серафиму Георгиевну, через вашу бабушку Симу!

Ирина. Ждали нас тут давно. Тёть Маша даже стихотворенье написала. Звала. *(Убирает крем, достаёт из косметички сложенный листок)*. Надо бы братцу прочесть, чтоб чего-нибудь понял... А то и ехать не хотел, все эти его фанатские заморочки, матчи долбаные...

Ольга. Дай-ка! *(Читает вслух)*.

Сельским старикам

Все в долгу у вас, наверно,
Президент, страна...
Помощь вам, сказать по правде,
Вовсе не видна.
Три десятка и побольше
Ваш рабочий стаж,
Только это на сегодня
Главный ваш багаж.
Да натруженные руки,
Боль в ногах, спине,
У кого-то ноют раны
(Были на войне).
Позади у вас работа,
Стройки, трудовни...
Поразъехались детишки,
Вы теперь одни.
Редко весточки приходят,
Город далеко,
Вашим близким там порою
Тоже нелегко.
А на старых фотоснимках

Вместе вся семья:
«Вот наш папка,
Вы с Борисом,
Галя, Вера, я,
А вот это Анатолий...
Или Павлик тут?
Как похожи, посмотри-ка,
Разберёт их шут!
А вот здесь-то Гутя с Симой...
Дедка, это сват?
Ну, уж! Как он разделся!
Чёрт ему не брат!»
И текут воспоминанья,
Греется душа:
- Жизнь была тогда спокойна!
- Просто хороша!
- А как пели мы у клуба!
Вспомни-ка, старик!
Голос мой тогда был чище,
Чем вот наш родник!
- Ну, а я-то на баяне
Лихо как играл!
Да, бывало, всю округу
Вместе собирал!
- Антониде улыбался,
Для Галины пел...
Помню-помню,
Как Василий за неё огрел...
- Ну, уж вспомнила ты притчу, –
Всхотнул наш дед. –
Улыбался я кому-то...
Я женат сто лет!
Посмеялись над собою,
Вспомнили родных,
Беспокоится сердечко,
Как дела у них.
Шерстяные ли носочки
Надевает внук,
Ведь снохе-то, торопыге,
Вечно недосуг.
Над деревнею уральской
Вьётся лёгкий дым.
Скоро гости понаедут
К старикам своим.
Зазвенят, глядишь, в ограде
Голоса детей.
Приезжайте, оставайтесь
На земле своей!

Ирина (*глядит в окно, откуда слышны громкие голоса*). Шумят чего-то? То ли спорят? (*Всматривается*). И наш с ними... (*Отворачивается*). Наивные они здесь какие-то, простые, как дети, я даже не знаю, как себя вести...
Галина. Искренние просто. Всю жизнь такие, без двойного дня...
Ольга (*в сторону*). Не знаю - не знаю, можно ли сейчас так прожить... Сомневаюсь...

Картина 5

Из предбанника, гремя пустыми вёдрами, вышла Мария, она оттирает пот полотенцем, обмахивается, присаживается на скамейку.

Мария. Подождать надо, чтоб угар вышел... Рано ещё... (*Кричит в сторону предбанника, приставив руки рупором*). Мишка, помешай угли, побей их, да кочерёжку-то с дороги убери! А то оставишь опять... Кто-нибудь ненароком свалиться на каменку... Да веник свежий запарь! (*Раздаются невнятные крики*). Какой-какой? Да любой! Какой понравится! У нас все хорошие – один к одному! У них такого быть-небывало!

Из предбанника является раскрасневшийся Мишка, тоже садится на скамейку, берёт у матери полотенце и широко обмахивается им.

Картина 6

К бане идёт Макс, он в высоких расшнурованных ботинках, в камуфляжных штанах, по пути снимает футболку, на плечи набрасывает полотенце.

Макс. Здоровеньки булы! Я Макс. Меня в баню послали...

Мария. (*Поднимается, обнимает*). Привет-привет! Ждём вас давно! Наконец-то! Прямо, узнать нельзя! А я тётя Маша, баб Верина дочка. (*Показывает на сына*). Это сын мой Мишка, а второй, Серега, за вами на вокзал приезжал. За баней сейчас смотрим вот. (*Объясняет*). Рано ещё, я только подбросила. Угар не вышел, я покараулю, скажу, когда можно... Садись! (*Садится, подвигается, освобождая рядом с собой место*).

Мишка (*подаёт руку*). Здорово, братуха! (*Гостеприимно, с интересом разглядывая гостя*). Так-то всё готово. Я веник тебе запарил, в кипятке... Ну, там, если надо, поддай сам жару, на каменку плесни... Знаешь как?

Макс (*потягивается, разводит руки в стороны, полотенце падает, на предплечье татуировка, похожая на свастику*). Охо-хо-о-о! (*Поигрывает мускулами, явно гордясь своим накачанным телом*).

Мария (*теряя дар речи, тараща глаза*). Т-т-ы-ы... Эт-т-о... Бритоголовый что ли? (*Всматривается, встаёт со скамейки, отряхивает юбку, словно запачкалась возле него*). То-то, думаю, где у него кудряшки? В армию вроде рано? Скинхед? Скинхед что ли? (*Недоумённо*). Правда? Скин – «кожа», хед – «голова», буквально «кожаная голова»!

Мишка (*хмыкнув*). Кожаная башка! (*В сторону*). Лучше уж свинцовая задница! (*Мария показывает сыну кулак, чтобы не перебивал*). А я чего... (*Бормочет*). Я ничего. Сама говорила, что если много в библиотеке сидеть...

Макс (*хвастливо*). Мы – украинские футбольные фанаты! Мы...

Мария (*распаляясь, переводя взгляд с татуировки на ботинки, обходя его со всех сторон*). Ну-ну! Нашёл наивных дураков! (*Цокая языком, прищуриваясь*). Специальная атрибутика военного стиля, камуфляж, высокие ботинки, подтяжки, стрижки!

(Загибает пальцы). А ещё своя музыка, символика, традиции! Но главное – сложная запутанная идеология!

Макс *(свысока)*. Мы болеем за свои команды! Выезжаем в другие города! *(Поигрывает блицемпи)*. Ну, иногда бывает махалово с другими фанами! Иногда ещё кое-кому достаётся... Кто много выступает...

Мария. И кому это, интересно?

Макс *(разъясняет)*. Так ведь инородцы заполонили Украину! *(Подумав)*. Да и Россию тоже! Плюнуть некуда! *(Сплёвывает себе под ноги)*.

Мария. Оп-па! Инородцы! Слово-то какое знаешь! Только с чьих слов поёшь, детка?

Мишка *(в сторону)*. Да он и петь-то не умеет, поди... *(Начинает насвистывать какой-то военный марш, потом негромко напевает)*.

Мы – красные кавалеристы,
И про нас былинники речистые
Ведут рассказ...

Макс *(уверенно, с вызовом)*. Да мы крови ни своей, ни чужой не боимся! Посмотрите кругом: полно кавказских домушников, угонщиков, все рынки чёрные держат, из Средней Азии наркоту везут... Вообще-то, наши фанаты выступают против засилья легионеров в наших футбольных клубах из Нигерии, Азербайджана...

Мария. Слушайте! *(Приложила руки к груди, качает головой)*. Честно, в страшном сне не могло присниться, что в Киеве, в Москве, на юге России, у нас, на Урале, бритоголовые будут нападать на людей: на кавказцев, таджиков, африканцев... А в Киеве такие, как ты, молодняк, футбольные фанаты, будут устраивать драки у синагоги и орать «бей жидов»...

Макс *(неопределённо)*. Ну-у-у... Это...

Мария *(в сердцах, обращаясь к насвистывающему военный марш сыну)*. Да ты угомонишься, в конце концов? Не даст матери слова сказать!

Мишка *(закатывая глаза вверх, продолжая насвистывать военный марш)*. Да я чего? Я ничего! Говори себе...

Мария *(встряхивая сидящего сына, чтоб тот сел прямо)*. А это и тебя касается! Послушай! В головах у вас каша полная! Дети реформ! Ужас! Один в скинхеды записывается... *(Кивает на Макса)*. Другой... *(Даёт сынку лёгкий подзатыльник, чтоб не свистел)*. Другой в сталинские соколы ладиться! Марши распевает! Да вы разберитесь в корнях-то своих! У нас история семьи – трагическая история двадцатого века! Хоть сериал снимай! *(Обращается к Макс)*. Но ты-то? Ты-ы-ы...

Макс. Да у нас... В отношении негроидных, азиатских и семитских масс...

Мария *(грубо прерывает, жестукулирует)*. Да у вас в головах – дерьмо! Дерь-мо-о-о!!! Понимаешь ты или нет? Как круто, надо же? Стриженная голова! Подтяжки, гриндерсы, пиво! Небось, свастика и ещё где-нибудь есть?

Мишка *(в сторону)*. Что и говорить – сволочь!

Мария *(услышав, вновь показывает сыну кулак)*. Заткнись! *(Раздражённо)*. Дай матери слово сказать!

Макс *(исподлобья)*. Да чего сразу свастика-то! *(Незаметно плюёт на ладонь, пытаясь стереть псевдотатуировку, сразу не получается, закрывает её рукой, натягивает полотенце. Оглядывает свои ботинки, перехватывая взгляд Марии)*. Так... Модно! *(Как бы оправдываясь)*. Я на идеологии вообще не заморачиваюсь! Мне по барабану! *(Смотрит в сторону Мишки, ища хоть какой-нибудь поддержки)*. Мы с пацанами по пиву там... *(Немного прихвастывая)*. Мотоциклы... Девочки... А ботинки? *(Вновь с удовольствием смотрит на них)*. Удобно!

Мария (*нетерпеливо*). Слушай, а мать? Галина не видит, в чём ты ходишь? С кем и куда ходишь? Что у тебя в голове?

Макс (*лениво усаживаясь на скамейку, достаёт сигареты, зажигалку, поиграв, вновь кладёт в карман, с вызовом глядя на поучающую тётку, которая ему порядком надоела*). А чего она со мной сделает? (*Язвительно*). У неё дочурки есть! Она с ними носиться! Ими всё время занята, а я... (*Зло*). А я так! На пе-ри-фе-рии семейного воспитания!

Мишка (*вполголоса, бегло взглянув на мать*). А я, знаете ли, на передовой... Охвачен заботой по самое не хочу...

Макс (*повторяет*). На периферии семейного внимания! От так! Бабки Симы не стало – никому я теперь не интересен! Никому не нужен... (*Разводит руками, поджигает губы*). Когда отец уехал... Ну, так, в другом городе живёт, может, работает, может, пропал куда-то... Матери не до меня стало... Я понимаю: работа, то-сё... Отец ни хрена не помогает, сгинул где-то... Мать вам сюда не писала, что сложно, плохо, денег нет... Не ездили давно, не писали... По телефону – дорого! Чтоб бабку Августу не напрягать, знаем ведь, что у неё самой пенсия только...

Мария (*смягчаясь*). Ну, не только ветеранская пенсия. Льготы. Мы все рядом. Продукты бабулькам покупаем, лекарства, с огородов всё своё...

Макс. Да ладно... (*Со смешком, снисходительно*). Огороды ваши... Смех один... Одна картошка да морковь... (*Попинывает под ногами какие-то камешки, потягивается, глядит в сторону бани*).

Мария *перехватывает взгляд, идёт проверять баню*.

Мишка. Да с чьих это? У нас тут виктория, малина, смородина, в лесу – земляника, грибы... (*Расхаживает перед Максом, показывая на грядки, а потом на дальний лес*).

Макс. Грибы в лесу... (*Хмыкает*). Грибами вы все тут что ли объелись? (*В сторону*). Может, ещё партизаны...

Мишка (*горячась*). А чего ты против партизан имеешь? А?

Макс (*равнодушно*). А мне по барабану! Партизаны – не партизаны! Какая разница! (*В сторону*). Всех вешать надо было!

Мария *возвращается раскрасневшаяся, обмахивается полотенцем*.

Мария (*услышав сказанное, оторопела*). Сво-о-о-ло-о-очь! Надо же! Какая сволочь выросла у Галины! (*Даёт ему оплеуху*).

Мишка (*испуганно*). Ма-а, ты чего?

Макс (*изумляясь, прислушиваясь, поднося руку к уху*). Я... Эт-то... Не понял!? (*Медленно встаёт*). Кто сволочь? (*Набычившись, грубо*). Кто сволочь? Я спрашиваю?

Мишка (*подбегая к матери, становясь с ней рядом, берёт её за руку*). Ты-ы-ы, н-н-навверное, с-с-сволочь? (*В растерянности показывает на гостя пальцем*). Н-н-навверное... (*Дрожащим голосом*). Тут больше никого нет...

Мария (*отстраняя сынка, задвигая его за спину*). А ну-ка, отойди-ка, Митюша! Я своему племянничку-скинхеду в глаза хочу посмотреть! (*Подходит вплотную, смотрит в упор, тянется к подбородку, хочет ударить, но не решается, стряхивает кисть*). Братцу твоему двоюродному! (*Наступает на него, грубо и зло обращается к Макс*). Может, ты, детка, сюда из другой страны приехал, чтобы посмеяться над нами? (*С досадой, плюёт ему под ноги*). Э-э-х, блин! Некому тебе по мозгам дать! Некому...

Макс (*опешив от напора*). Да я... Да вы...

Мария. Думаешь, тут старухи полоумные одни остались? Так? Осколки советского прошлого! Ветераны войны и труда! Уходящая натура! Век бы их не видать, да мать

притащила! А ты, наверное, сопротивлялся? Точно ведь? В гробу ты их видел, в прямом и переносном смысле!

Макс *(пытаясь вставить слово)*. Да я... Да вы тут... Совсем...

Мария *(с ожесточением)*. Смотри, Марик, много у тебя сегодня открытий будет! Много! Я тебе обещаю... И говорить с тобой после буду и при всех. Чтоб и до моих сынков тоже кое-что дошло! *(Смотрит на часы, потом на сына.)* Мишка, живо на автостанцию, скоро гости из Алма-Аты приедут, поезжайте с братом встречать! *(Уходит, презрительно глядя на Макса)*. Фанатеет он... Физкульт привет! *(Резко оборачивается, поднимая руку, согнутую в локте, со сжатым кулаком)*.

Картина 7

Макс *(не понимая)*. Чего это с ней? *(Смотрит вслед)*. Мариком каким-то назвала... *(Мишке)*. Она у тебя ничего не попутала? Я тут пару часов, а на меня какая-то тётка наехала... Ни хера себе! *(Недоумевая, с обидой)*. Шо прискипувалася до мэне? Знал бы – ни за что бы сюда не поехал! Родственнички, мля...

Мишка *(немного успокоившись)*. Ну, уж приехал ведь... Она, знаешь, просто так не орёт... И руки сроду не распускала...*(Оправдывает мать)*. Может, это... *(Не знает, как сказать)*. Ну, вид у тебя... *(Мотаёт головой из стороны в сторону)*. Ну, не того... Что ли... А она прямо так в лоб тебе всё и высказала. Есть это за ней, правда. С прямолинейностью телеграфного столба... Это у неё со студенческой поры, так один преподаватель говорил.

Макс. А я под раздачу попал...

Картина 8

С другой стороны сада к бане подходит старший брат Мишки. С насмешкой смотрит на Макса, обходит его со всех сторон, разглядывает на предплечье татуировку, потом гриндерсы, чешет у себя в затылке.

Сергей *(советует)*. Ты, это, хреню-то не майся! *(Показывает на ботинки)*. Сними! А это... *(Показывает на татуировку)*. Смой!

Макс. Далась они вам! *(С досадой)*. Чего все привязались? Климат у вас, что ли, тут такой?

Мишка. Да, такой! Уральский! Отечественный! *(Ни с того, ни с сего начинает напевать военный марш)*. Боевой!

Артиллеристы, Сталин дал приказ!

Артиллеристы, зовёт Отчизна нас!

Из многих тысяч батарей

За слёзы наших матерей!

За нашу Родину огонь! Огонь!

Сергей. Уймись, Мишаня! *(Обращаясь к обоим братьям)*. Чего вас всех переключивает-то? Наш ходит по дому – военные марши горланит! Ты подстригся, как мудака! *(Макс дёрнулся в сторону обидчика)*. Остынь! *(Резко осаживая)*. Остынь, я сказал! Зачем ты ботинки эти напялил? *(Показывает на тяжёлые ботинки с высоким верхом и белыми шнурками)*. Ты думаешь, я не знаю? Крутой? Фашистик? Скинхед?

Макс *(показывает на себя)*. Да фанат я футбольный! *(Разводит руками)*. Чего привязались, сказал? *(В сторону)*. Зачем только приехал? Докопались, мля... То один, то второй...

Сергей (*рукой показывая на татуировку*). Чмо ты последнее, ты это знаешь? У нас в родне от солдата до генерала – все воевали!

Мишка (*поднимая указательный палец вверх*). В Красной Армии! В годы Великой Отечественной войны. Это тебе не хухры-мухры!

Сергей (*недовольно взглянув в сторону брата*). Несколько дедов! От рядового разведчика до генерал-майора танковых войск! (*Кривит губы, презрительно смотрит на Макса*). Чмо! Это я тебе говорю, брат твой! Слушай сюда! Хоть ты и гость дальний... (*Оглядывается*). Вы там, в городах своих, совсем... (*Подбирает слова*). Стебанулись! Я хоть, не как братец мой, марши не распеваю и про артиллерийские установки на каждом шагу не говорю, но... Ты хоть понял, куда приехал? Что тут за люди? Я не наша мать, лекции читать не буду! (*Сжимает кулак, подносит его к носу растерявшегося родственника*). Могу и ...

Мишка (*с иронией*). А она, ты знаешь, уже...

Слышны голоса, братьев зовут, велят отправляться на автостанцию за гостями, приходится прекратить разговор.

Сергей (*снисходительно, опуская руки*). Иди ты в баню! (*Тычет пальцем в татуировку*). И смой свою хрень! (*Показывает на ботинки*). На крайняк калоши около веранды возьми... (*Снисходительно*). Дурью не майся!

Действие II

Картина 1

В аккуратно прибранной комнате бабушки Гути перед зеркалом сёстры-пенсионерки наряжаются, чтобы идти в сад, где уже собрались гости. Старушки расчёсывают гребёнками редкие волосы, надевают лёгкие капроновые косынки.

Баба Вера (*смотрит в окно*). Все наши уже высыпали во двор... Вечер, вроде, тёплый. (*Сестре*). Но ты, гляди, оденься теплее, спину не застуди. (*Подает большой тёплый платок*).

Гутя. Я платьё кримпленовое надела, оно крепкое, плотное. (*Обращается к сестре*). Посмотри, ничего себе? (*Оборачивается, чтоб посоветоваться*). В груди разве посвободнее стало?

Баба Вера (*поправляет свой слуховой аппарат, который посвистывает, хрипит*). Хорошо, что достала! Оно как новое! (*Любуется сестрой*). И цвет какой яркущий! И износу прям нету!

Гутя. Помнишь, это нам Сима отрезы-то привезла! С Украины! Дефицит страшный!

Баба Вера. Я свой-от Марии отдала...

Гутя. А мне Сима строго-настрога наказала сшить. (*Держит подол, поворачивается во все стороны*). Вот ношу...

Баба Вера. Памятка об ей! (*Крестится на икону*).

Гутя. О доченьке моей! (*Вздыхает, тоже крестится на икону*). Смотрит сейчас на нас оттуда, радуется!

Баба Вера. А завтра вообще все за столом соберутся! Со всех сторон! И родня, и соседи, и знакомые!

Гутя (*грустно*). Может, уж в последний раз! В последний...

Баба Вера. На вот, девки пляшут! Думала! (*Нетерпеливо теревит поясок на своём платьё*). Скажешь тоже! Пензию вон добавили! Сама ещё к имя съездишь, к родне-то, ты крепкая! Не смотри, что маленькая да сухенькая... (*Теребит поясок, наворачивает его на палец, дёргает*).

Гутя. Пойдём уже... *(Внимательно смотрит)*. Чего-то ты сама не своя? Говори, по лицу вижу, стряслось что?

Баба Вера *(вздыхает)*. Не пойму ничего... *(Боясь огорчить сестру)*. Рассорка какая-то меж нашими прошла... Галин-от сынок цельный вечер смурной ходит... Марья на него чего-то зыркает...

Гутя *(предполагает)*. Может, он выпил маленько? А она этого не любит, сердиться.

Баба Вера. Не знаю, тревожно мне как-то... Может, выдумываю всё?

Гутя. Она у тебя командирка! Всё чтоб по ней было!

Баба Вера. В тебя! Ты ведь старшей сестрой в поликлинике работала, всеми командовала. *(Смотрит с любовью на сестру)*. И Марья не мой характер взяла! Ещё б пожила столько, как ты!

Гутя *(обнимает сестру)*. Так нам уж не в гору живётся, а под гору! *(Отходит, смотрит на портрет мужа и дочери)*. Вот дедоньку схоронили... Доченьку пережила... Легко ли? *(Приговаривает тихонько)*. Деточка моя – хрупкая веточка! Деточка... *(Долго смотрит на портрет, вздыхает)*. Вот и твои приехали! Пойду, погляжу на них! Узнают ли старуху?

Баба Вера *(по-прежнему тербит поясок, выходит следом за сестрой)*. И я волнуюсь прям... Сердце не на месте...

Картина 2

На веранде все готовятся к завтрашнему юбилею: кто чистит лук, кто – морковь, кто – картошку... Потом режут яблоки на компот, гремят посудой. Все шумно приветствуют появление бабушек. Тётя Гутя горячо обнимает Бориса, снизу вверх смотрит в глаза, расспрашивает про свою дочь, которая по нездоровью не смогла приехать, он с почтеньем держит её за руки. Оборачивается к бабе Вере, берёт сестёр в охапку, целует, смеётся.

Борис *(искренне)*. Рад! Безмерно рад! Не передать как! *(Отстраняется)*. Не меняетесь! Просто замерли в одном возрасте! По пятьдесят пять! Уверяю! Молодцы! Может, климат у вас такой? Лучше нашего!

Гутя. Уральский!

Баба Вера *(радостно, с детской непосредственностью)*. Бажовский! Сказочный!

Мария. Ну, уж! Лучше вашего? *(Зажмуривается от приятных воспоминаний)*. Алма-Ата! Прохлада с гор! Цветники! Арыки! Алма-атинский апорт! Арман! Мечта, то есть! *(Борису шутливо)*. Отпусти их уже! Пусть посидят с нами, поболтают! *(Усаживают бабушек возле стола)*.

Борис. Поболтаем, душу отведём! Страшно сказать, сколько не виделись! Сколько воды утекло... Дети у всех выросли.

Баба Вера *(беспокойно)*. А где ребяточки-ге? Куда усвистали?

Мария *(машет рукой)*. Да Серёга мой катает девчонок по посёлку! И Флёрочку, и Иришку, и Оленьку! Как ему не покатавать дорогих гостей! По родне да по знакомым поехали, на завтра приглашать! Скоро приедут!

Галина тепло обнимается с бабушками, вытирает слёзы.

Галина *(подталкивает Макса к бабушке Гуте)*. Младшенький мой! Полюбуйся! Ну, на кого похож?

Баба Вера *(встревает)*. Дак без карточки ясно! Вылитый Павлик!

Борис *(улыбаясь)*. К бабкам не ходи – Павел! Точно!

Гутя *(всматривается, протягивает руки)*. Мальчик мой! По-о-о-хож! Похож!

Макс *(брякает)*. Здоровеньки булы!

Гутя *(повторяет за ним)*. Здоровеньки булы! Здоровеньки булы! Вну-у-учик! Ро-одной!

Внук неловко наклоняется к бабушке, касается её щеки своей щекой, она берёт его руки в свои, разглядывает, гладит.

Гутя. Как бы Симочка порадовалась! *(Радостно оглядывается на присутствующих)*. Какой красавец вымахал! Какой красавец! Вытянулся-то как! *(Охает, любит, трогает плечи)*. Куда только кудряшки-то твои делись? А? На всех фотокарточках с ними!

Баба Вера *(показывает на голову внука)*. С имя на Павлика-то был больше похож! Правда что...

Борис *(заговорщически)*. А знаете, вас ведь сюрприз ждёт! *(Его слова тонут в обсуждении стриженной головы Макса)*.

Баба Вера *(брякает)*. Не всем лысины-то идут... У нас в садике ребятёшки говорили: стрижик-бретик, дай монетик!

Галина *(вытирает руки о передник, шутливо)*. Не смущайте моего парня! Пусть попривыкнет ко всем! Он тут пока никого толком не знает... *(Скрадывает неловкость сына)*. Давайте-ка к юбилею готовится, всем работа найдётся. Время-то летит! *(Оттесняет сына)*. Сколько человек-то пригласили? *(Берёт охапку укропа, подаёт Борису и бабушкам, чтоб разбирали на маленькие веточки)*.

Мария. Человек 20-30 будет! *(Берёт морковь, трёт её на тёрке)*.

Галина *(начинает резать лук, мотает головой, жмуриться, чуть не плачет)*. Справимся?

Мария. А то? *(В сторону Макса)*. Ещё некоторых помощничков припащем... Принеси, пожалуйста, вымытую картошку, свежую... Она возле бани, в ванночке детской...

Макс уходит за картошкой.

Баба Вера *(отвлеклась от сестры и Бориса, советует)*. Вы картошку-то не чистите ножиком, а просто шкурку ей сарапайте жёсткой щёткой... А глазки того... Вырежьте... А то ведь у вас половину в очистки пойдёт... Знаю-знаю, как Митюшка-то чистит... *(Оглядывается на Марию, вполголоса Галине)*. Мать-то даже не научила! Половину картошки срезат! Разве ж так можно? Половину – в отвал!

Галина *(смотрит вокруг)*. Где Мишка-то, кстати?

Мария. Да марш какой-то переделывает, репетирует! *(Отвернувшись, чтоб не слышала юбилярша)*. К юбилею готовится... *(Оборачивается к матери, забирает укроп)*. А помнишь, вы меня на свадьбу Борискиной мамы возили? С дядей Володей, с тётёй Таней на самолёте летали? Мне десять, а невесте где-то двадцать с небольшим было! Ирочка такая красивая была! *(Цокает языком)*. Смуглая, высокая, стройная, длинноногая! В коротком белом платье и такой вот фате! *(Расставляет широко руки возле головы и показывает, какая пышная была фата)*.

Макс приносит картошку в большой миске. Присаживается в стороне со скучающим видом.

Галина *(подхватывает)*. И Нуркан – высокий, стройный, строгий! Прямо как артист! Загляденье! *(Борису)*. Ты, кстати, всеми статьями в него! Вылитый! *(Поднимает большой палец)*.

Борис *(иронично)*. А то!

Гутя. А родня какая хорошая оказалась! Приветливая! У Майры, матери Нуркана, семья большая, и у нас большая, так мы с ней быстро меж собой общий язык нашли. Всё про родных да про детей разговаривали! Всю свадьбу не расставались!

Мария (*мельком взглянув на Макса*). А как относились друг к другу! Сердечно, по-доброму! Будто сто лет знакомы!

Гутя. А какой бешбармак мужчины там готовили! Пальчики оближешь! (*Вспоминает*). А ещё баранью голову по казахскому обычаю! Из уважения дорогим гостям! (*Гордо*). Вот так-то!

Галина. А как Нуркан арбузы резал! (*Покзывает размер арбуза и его куски*). Во-о-т такие ломти! (*Широко разводит руки, зажмуривается*). М-м-м!

Борис. Тётя Сима родителям посуду красивую привезла! Сервиз! (*Поднимает палец*). Дефицитный! На работе поощрили!

Баба Вера (*невпопад*). Дак она с доски почёта, считай, не слезала! Премии ей выписывали! Мы ей вон как гордились!

Галина (*Максу шёпотом*). О бабке твоей говорят...

Макс (*равнодушно*). Ну так чё...

Мария (*радостно*). А мне... А мне тётя Майра пупсика пластмассового с одёжками подарила, я его потом в санаторий брала! (*Показывает пальцами размер этого пупсика*). Так он мне помог, о доме напоминал!

Макс (*в сторону матери раздражённо, пытаясь подняться и уйти*). Пупсики какие-то...

Галина (*шипит, удерживая сына за плечо*). Только попробуй уйди, только попробуй! Испорть мне всю поездку...

Мария. Я там, в санатории, будто на всю жизнь наревелась! Помню, в окно смотрела на улицу, а огни новогодней ёлки у меня расплывались перед глазами! (*Показывает, трёт руками глаза*). На обеде в столовой слёзы в суп капали! Так я болезненно расставание с семьёй переносила!

Борис (*обнимает тётушку*). Ну, будет!

Мария (*трётся о его грудь лбом, так как руки заняты морковью*). А ведь потом, летом, через год или два, ты уже родился. И мы опять в Алма-Ату ездили! Я там первый раз в своей жизни настоящий салют видела!

Гутя. Алма-Ата столицей Казахстана была! Алма-Ата! Отец яблоч!

Галина. А ещё, помните, мы там на балконе баловались: ели малосольные огурцы из эмалированного ведра и, набрав, в рот рассола, брызгали на прохожих, а сами приседали, прятались...

Хохочут, вспоминая какие-то общие шалости.

Мария (*Борису*). А ещё... (*Смеётся*). Прятались в кустах и смотрели, как родители твои целуются...

Галина. А потом с криками выскакивали и пугали их...

Макс (*сдерживая улыбку*). Делать вам нечего было!

Гутя (*мечтательно*). Апорт – самые лучшие яблоки на свете!

Баба Вера. Баскушшие! Крупнушшие! (*Показывает размер яблока с детскую головку*). Одним сразу наестся можно! Или двух-трёх детишков накормить! Ага!

Гутя (*вспоминает*). А вот Симочка лимонку любила... Желтую, прозрачную... С сеточкой такой возле палочки...

Борис (*гладит их руки, обнимает*). А я привёз! И те, и другие! (*Обращаясь к Макс*). Не в службу, а в дружбу – сгоняй в комнату к пацанам... Там ящик на полу. Увидишь, тащи весь!

Макс уходит.

Картина 3

Шум, крики... Возле бани какая-то потасовка. Все присутствующие на веранде высыпали в сад. Друг напротив друга стоят взлохмаченный Мишка с кровоподтёком под глазом и Макс в разорванной футболке. Возле них ящик и рассыпанные яблоки.

Мишка (цедит сквозь зубы). Ну, с-с-сука! (Стремиться достать). Берегись! С-с-сволочь!

Мария (хватает сына за руки, шипит). Сдурел? Отступись! Отступись, кому сказала! Макс (придерживая на груди футболку, исподлобья). Поквитаемся, ещё не вечер... (Презрительно сплёвывает, обводит всех взглядом). Ну, чего все сбежались? Цирка захотели, будет выступать этот щенок, будет ему цирк с конями... Обещаю!

Галина (охнула, бессильно опустилась на скамейку). И тут! И тут драка! (Зажала виски, встряхивает головой). И тут ты-ы-ы! Ну, сколько можно?

Борис (силой отводит возбуждённого Макса в сторону). Чего не поделили? Ну? (Качает головой). Одна семья! (Миролюбиво). У нас в родне полный интернационал! Все люди братья! Все-е-е...

Картина 4

Во двор въезжает машина с гостями. Сергей галантно открывает двери, игриво подаёт всем девушкам руки. Выходят Флюра, Ольга и Ирина – все молодые, красивые, весёлые, довольные, громко переговариваются, хохочут. Вытаскивают магазинные пакеты с продуктами и шампанским, передают друг другу.

Ирина (держит в руках бутылки с шампанским, поднимает их вверх). А вот и мы! Скоро стрелять будем в честь праздничка! Ур-р-ра-а-а!

Флюра (подхватывает). За встречу! Ур-р-ра-а-а!

Ольга (обнимает её за плечи). За знакомство! Ур-р-ра-а-а!

Сергей (весело). А вот и мы-ы-ы! (Показывает на огромные пакеты). Встречайте-е-е! Получайте-е-е! (Громко сообщает). Тёть Наташа велела передать, что козырный плов готовит! Теть Оля пироги с рыбой в духовку поставила, Валентин с Виктором утром на рыбалке были! Андрей с Людой салаты строгают! Сергей с Леной фруктами затариваются! И другая родня готовится!

Борис (продолжая удерживать Макса, желая смягчить неловкость ситуации). Успокаиваемся, господа! Все люди – братья! (Смотрит на подходящих девчонок и свою жену). Все люди – сёстры!

Серёга (держа пакеты в вытянутых руках, взглядываясь в брата, оторопел). Ты чего это, Мишаня? Где это так вовремя украсился к праздничку?

Мишка (выпаливает). Да вот... Спросил у этого... (Кивает на Макса). Смыл ли этот фашистик свастику? (Шипит). Г-а-а-д-ё-ё-ё-н-ы-ы-ш!

Пауза. Все недоумённо переглядываются.

Галина (в стороне, закрыв лицо руками). Дддо-ддо-стукался! Пппо-ппо-зор-то какой!

Ольга (покраснев, беспомощно, как бы оправдываясь перед всеми за непутёвого брата). Вы не подумайте... Он не такой! (Подходит то к одним, то к другим гостям). Он не такой! Правда!

Флюра (в недоумении глядя по сторонам). Да как это? Не понимаю!

Ирина (побледнев, опустив бутылки с шампанским и спрятав их за спину). Он фанат просто... Ну, честно... У него переводка на плече... Мы ему говорили... Он не слушает! Они там, в толпе...

Ольга. Это сейчас... Летом... От нечего делать...

Ирина. А так он умный! *(В отчаянии)*. У него первое место по городу на олимпиаде по математике! Среди многих школ... Вот! Он вообще-то хороший... Добрый... Честно!

Ольга *(пытаясь оправдать брата)*. Макс не хотел с нами ехать, у них там футбольные матчи, уже фанатский автобус заказали, чтоб в другой город ехать... Прикид себе выбрал...

Мишка *(в сторону, исподлобья)*. Придурошный... *(Осёкся)*. Прикид, говорю, придурошный...

Ирина *(прерывая)*. Мама и повезла его сюда... Оградить от дурной компании... Чтоб бед не натворил...

Баба Вера *(в прострации, поправляя слуховой аппарат, который начинает свистеть, шуметь)*. А ничего не говорил... *(Раздумывает, поправляет аппарат)*. Как это свастика? *(Разводит руками)*. Зачем? Откуда?

Ольга *(горячо)*. Мы приехали, чтоб родня повлияла на него! *(Борису)*. На вас, Бахитжан Нурканович, вся надежда! На Августу Васильевну! На бабу Веру!

Ирина *(с надеждой)*. На тётъ Машу! *(Трогает её за руку)*. На Сергея вот... *(Оборачивается в его сторону)*. На Флюрочку! *(Смотрит с надеждой)*. На других, кто здесь живёт!

Мария *(берёт себя в руки)*. Тэ-э-экс! Вечер перестаёт быть томным! *(Выпускает сына из рук)*. Ну-ка, пойдёте все на веранду, сядем, обмозгуем, что нам со всем этим безобразием делать? *(Потирает руки, с досадой)*. Перед праздничком...

Картина 5

Все направляются на веранду, говоря между собой.

Разгорячённого Мишку перехватывает баба Вера, достаёт из рукава чистый носовой платочек.

Баба Вера. На, Мишаня, утрися! *(Шепчет)*. На вот, девки пляшут! Чего удумали – драться! С гостем! Что о тебе, об нас всех гости подумают?

Мишка *(нетерпеливо)*. А ты видела, как этот одевается? Видела? Штаны его? Куртку? Ботинки?

Баба Вера. Ботинки, как ботинки... Новые... Крепкие...

Мишка. А бритый он? *(Изумляется)*. Ты ничего что ли не понимаешь?

Баба Вера *(миролюбиво)*. Ну, короткая стрижечка... Аккуратная головка... А ты бросаешься на него... Человек-от не всегда таков, каким с виду кажется... *(Разводит руками)*. Так ведь?

Мишка *(исподлобья, в сторону)*. Поглядишь картина, а разглядишь – скотина!

Баба Вера *(с тревогой)*. Вы из-за этого в рассорке-то с им?

Мишка *(буркает)*. Из-за этого, конечно...

Баба Вера. Плохо! Кто кого обидит, тот того и ненавидит...

Бабу Гутю поддерживает под руки Галина, она чувствует себя виноватой перед всеми из-за сына.

Гутя *(непонимающе)*. Что это? *(Растерянно)*. Зачем он так? Свастика... Фашисты... Да знает ли он? Знает ли... Да что же это такое делается на свете? Почему? *(Она с трудом усаживается, держась за сердце)*.

Галина *(дрожит, заикается)*. Я ссса-ма ннни-че-го ннне ннне пппоо-ни-ма-ю! *(Выдыхает)*. Ннниичегошеньки!

Мария (*громко и резко*). А я понимаю! Садитесь все! Пожалуйста! Ты, Флюрочка, сюда! Поудобнее! Бабульки, вот сюда! (*Усаживает всех так, чтоб видеть каждого*). Рассаживайтесь!

Борис (*объясняет Марии, не привлекая внимания остальных*). Мне надо отлучиться! Я очень жду одного человека! Он уже едет! Скоро мы будем, вместе будем...

Мария (*умоляюще, чувствуя, что ей нужна подмога, мужское плечо*). Ну, Бахыт! Побудь здесь, Бахитжан! Пожалуйста! А то я одна с ними не справлюсь! Поддержи меня!

Борис (*прикладывая руки к груди*). Извини! Не могу, позарез надо! (*Показывает на часы*). А ты, я знаю, справишься!

Борис быстро уходит.

Картина 6

Мария (*приказывает старшему сыну*). Ты около этого... Около этого голубя присядь! (*Показывает на Макса*). Да придержи его, чтобы не улетел!

Сергей. Да, ладно! (*Показывает, чтоб Макс сел рядом, сёстры садятся возле него*). Командует опять... (*Буркает*). Психологические деструкции...

Мария берёт оцинкованное ведро, бьёт по нему поварешкой, привлекая внимание. Опускает ведро, стоит, сцепив руки, не зная, с чего начать.

Мария. Знаете, наверное, впервые в жизни я растерялась... Вот всегда весёлая, находчивая... А сегодня... Никакая... Меня как избили... (*Гости недоумённо переглядываются, но Мария не обращает внимания*). Мне просто надавали по щекам! (*Переводит взгляд на сына Мишку*). Да и не только мне! Нам всем дали под дых! Подло! Неожиданно! Жестоко! (*Переводит дыхание*). Странно! И кто? (*Смотрит вокруг, ища поддержки*). Кто? Самый родной человек! Которого так ждали! Которого многие видят в первый раз, но которого все безмерно любили... Которого так любила, так спасала бабушка Сима! Царство ей небесное! Серафима Георгиевна.. Светлая душа!

Баба Вера (*эхом*). Светлая душа! Завсегда всех спасала!

Мария. Совсем недавно, несколько месяцев назад, я узнала тайну... О нашей семье... О самых близких людях... А сегодня, совсем неожиданно, ещё одну... Всё это имеет самое прямое отношение к сегодняшнему конфликту... (*Показывает на мальчишек*).

Фашисты... Смерть... Свастика... (*Обхватывает себя за плечи, как в ознобе*).

Оказывается, всё это так близко, рядом... И не забылось... (*Смотрит на бабушек*). И не ушло... (*Смотрит на Макса*). А явилось... Сегодня... Здесь... Тут... У нас...

Галина (*в сторону, закрывая рот руками*). О-о-ой, к-к-как с-с-стыдно! О-о-ой, к-к-как б-б-больно!

Мария (*умоляюще*). Августа Васильевна! Тётя Гутя! Бабушка! Расскажите сами!

Баба Вера. Расскажи, сестра! Все здесь, больше некого ждать! (*Подумав*). И некогда!

Мария (*нетерпеливо*). Когда ещё так соберёмся... Головы им прочисть! Заигрались тут некоторые! (*Строго глядит на Макса, он прячет ноги в ботинках под стул*). В фюреров, в бандеровцев... (*Сыну*). В сталинских соколов... Прости, Господи!

Мишка (*огрызаясь, потирая подбитый глаз*). Я-то чего? У меня что ли свастика-то?

Гутя (*беспокойно трёт руки, несколько отрешённо*). Я не пойму, что тут сегодня происходит... Я сегодня вся, как в тумане... (*Водит руками перед глазами*). Не из-за юбилея, нет... Просто я всё время думаю... Переживаю... (*Замолкает, о чём-то думает, не решаясь сказать*). Нельзя мне было брать тот крепдешин... Вот вроде я за

него ребёночка-то взяла... *(Все смотрят недоумённо, не понимая, о чём говорит старушка)*. А я нет! Не за него! У меня свой ребёночек, тоже девочка, от коклюша только-только померла... Стаяла на глазах... Я не в себе была... Сама не своя просто... Баба Вера *(касаясь руки, ободряюще)*. Ты уж потихоньку, как-нибудь... Если можешь... Гутя *(промокнув кончиком платка глаза)*. Приехала в Белоруссию мужа-красноармейца проведать, Георгия, а их на учения отправили...

Мишка *(исподлобья, сквозь зубы, поясняя Макс)*. В тех местах в 1932-1939 годах строились укрепления – «Линия Сталина»...

Гутя. Месяца два не отпускали... А я, считай, на сносях... В мае я родила... В сорок первом, перед самой войной...

Баба Вера *(разглаживая платье на коленях, эхом)*. В мае родиться, век маяться...

Гутя *(горестно)*. Так отец дочку и не увидел! Деточку нашу... Ребёнка родила в еврейском местечке под Витебском. Тяжело рожала, чуть в родах не померла... Выходили меня люди добрые... Марк Моисеевич... Светлая ему память! *(Креститься)*. Метрику выправил...

Баба Вера *(поясняет)*. Справку по-нынешнему, свидетельство о рождении...

Гутя. А уехать обратно на Урал не могла, денежное довольствие, аттестат мне не выписали... Корпус это... *(Подыскивает слово)*. Это...

Мишка *(вскидывает голову, подхватывает)*. Менял дислокацию...

Гутя. Во-во, менял дислокацию... И я потерялась... Ребёнок есть, а бумаг на него нету... Кроме справки больничной... Я как приبلудная какая... Война началась, немцы наступали так быстро... Так быстро... Я с малышкой кое-как на хуторе успела схорониться вдалеке от дорог. Но кто-то ведь знал, что у меня муж красноармеец... *(Промокает глаза платком)*. Хотя он погиб на аэродроме... 30 июня 1941 года под Бобруйском... Во время фашистских бомбёжек... *(Замолкает)*.

Баба Вера *(с горечью)*. Так с Георгием и не свиделась...

Мишка *(поясняя для всех, но особо для Макса)*. Дед Георгий обслуживал наши тяжёлые бомбардировщики ТБ-3!

Гутя. Фашисты появились как-то сразу... И много... Народ собирали, отбирали добро... Какие-то дома жгли, ничего не жалели... Сытые, довольные разъезжали немцы и полицаи на мотоциклах... Молодых женщин хватали и принуждали к сожительству...

Мишка *(вполголоса Макс)*. Были массовые изнасилования и принуждение к проституции на оккупированной территории...

Гутя. Только евреек не трогали... *(С болью)*. Всех евреев в гетто сгоняли... Огораживали и сгоняли... И семью доктора, который у меня роды принимал... *(Всхлипывает)*. А у него жена беременная была, родить вот-вот должна... *(Замолкает надолго, вспоминает)*. А в сентябре девочка моя простыла где-то, кашлем, рвотой исходила... Коклюш, сказали, случился... Я ночью к гетто пробралась, доктора своего вызвала... Он мне таблетки какие-то дал, но не обнадёжил... Велел ещё приходить...

Баба Вера. Гутя, может не надо! *(Тронула дрожащую, как в ознобе, сестру)*. Гу-у-у-тя!

Гутя *(слабо отмахнулась)*. А через два дня... Моя-то уже заходила, глазки закатывались! Я в отчаянье к гетто-то прибежала... Там всё больше украинские полицаи были, охраняли, на меня, на безумную, без интереса глядели... Как я с колясочкой-то туда-сюда вдоль забора рыскала! Растрёпанная... Усталая... Голодная... Сил не было... Шепнули мне, что мужчин-то из гетто увезли уже, остались только женщины, старики да дети... Жену докторскую увидела... Глаза её... Обречённые... По стеночке еле шла... И ребёночек в руках... *(Переводит дыхание, всхлипывает)*.

Вовек не за-бу-у-д-у-у! Не забуду! Подол в крови... Кровотечение, видно, сильное было... Родила недавно, а молока нет! Откуда взяться? *(Остановилась, перевела дух)*. Смотрю, а моя-то затихла... Отошла... Как спит, и не дышит... И такая в последнюю минуту спокойная... Красивая... Будто ангел! Я так и опустилась около того забора! У меня грудь так сильно болела! Набухла... Молоко текло... А пить его некому... Сколько в забытии пробыла, не знаю, а только вечер настал... Слышу, зовёт меня кто-то... А это жена доктора... Умоляет меня взять свёрток с крепдешинком... И-и-и девочку... Ревекку Марковну Лозинскую... Веточку, как она назвала...

Галина *(умоляюще)*. Может, не надо...

Гутя *(продолжая в каком-то отстранённом состоянии)*. Я положила её рядом со своей в колясочку и побрела... А докторская жена через забор умоляет: «Возьмите крепдешин – на платье вам с дочкой...» И я взяла... Механически, сама не знаю, зачем...

Баба Вера. Заботилась об вас... Даже перед смертью...

Мишка. А полицаи как вас выпустили?

Гутя *(махнув рукой)*. К вечеру они уже все пьяные были... Куражились где-то...

Баба Вера *(уверенно)*. Совесть водкой заливали! Известное дело!

Флюра *(взволнованно, придерживая свой живот)*. И не остановили ни разу?

Гутя. Как не остановили? Остановили. Я новую-то дочку к груди прижала, точно кормлю, а она и вправду завозилась, молоко-то почуяла, зачмокала. Я грудь-то дала, косынкой закрыла, чтобы личико не видели. Коляску впереди толкаю, показываю, что дочка спит, руки заняты. Полицаи захохотали вслед, но собак придержали... Брела и редела от отчаяния, от боли, от ужаса! Ноги от страха подкашивались! Едва добралась до места, хозяин уж навстречу шагал...

Мишка *(вполголоса, покусывая губы)*. Полицаи – сволочи! *(Глядя на Макса)*. Фашисты!

Гутя. А через день они всех-всех из того гетто расстреляли... *(Плачет)*. Ну, зачем я этот крепдешин тогда взяла?! Зачем?

Мишка. А фашисты?

Гутя *(не слыша внука)*. Похоронили мы дочку мою за огородом, даже холмика не насыпали. *(Плачет)*. Надо было что-то решать... Несколько месяцев ещё на хуторе прожила, вдали от дорог. Сама немного окрепла, девочка тоже. *(Эхом)*. Деточка – хрупкая веточка.

Макс *(недоумевая, в сторону)*. Так у меня того... Бабка еврейка что ли?

Сергей *(отмахиваясь)*. Тут про ребёнка речь, вообще-то!

Флюра *(взволнованно)*. И как вы к нашим попали!

Гутя *(горестно)*. К нашим... *(Задумывается)*. Не сразу, деточка... Не сразу... Как страшно под немцем было! Не высказать! Остатки жителей местечка в новогоднюю ночь по снегу увели в лес и расстреляли... И старых и малых... *(Вытирает глаза)*. Меня хозяин-белорус к партизанам по лесным тропам вывел, кормить нас было нечем, да и заметно это, когда кто-то лишний на подворье живёт... Как я благодарна этому человеку! Не дал с голоду помереть, прятал в хлеву, когда полицаи-то приходили...

Мишка *(нетерпеливо)*. Так ты, баушка, партизанкой была что ли?

Баба Вера *(одёргивая внука)*. Окстись, милоч! Куды она такая слабая да с ребятёнком! Боялась, да терпела! При горе терпенье – невольное спасенье...

Гутя. Терпела... Переправили меня через линию фронта... А потом свои стали проверять... *(Тяжело вздохнула)*. Шпионов опасались!

Мария. Это время массового психоза было: везде и всюду враги и шпионы мерещились! Искали – и находили! *(Качая головой)*. Искали и находили!

Ольга (*сестре с усмешкой*). Тоже мне, нашли шпионку!

Ирина. Да уж! Пацанку почти!

Мария (*строго*). А вы обойдитесь без иронии, девочки! Из огня да в полымя бабка-то ваша попала! В руки НКВД да в сталинские лагеря!

Мишка (*возмущённо*). Мам, ты ничего не попутала? За что?

Мария (*разводит руками*). Спроси вот? Законы сталинские такие! (*Горячиться*). Людоедские! А то ты всё горланишь: «Артиллеристы, Сталин дал приказ! Артиллеристы, зовёт отчизна нас!» Ты думал, что это только других репрессии-то касались? В книжках? В кино? (*Показывает рукой на бабку Гутю*). А на живое наглядное пособие не хочешь взглянуть? Нет?

Гутя (*собирается с силами, вспоминает*). Проверять меня стали, а документов-то нет, по пути потерялись... Ни на мужа, погибшего под Бобруйском, ни на меня, ни на ребёнка...

Баба Вера. Как есть никто! Пустое место!

Гутя. Были среди проверяющих и те, кто бил, издевался да называл немецкой подстилкой... Раз я выжила тогда да ещё с ребёнком... Грязной шлюхой звали... Жидовкой... Предательницей... Фашистской сволочью... И всякими такими словами... Ничему не поверили, а мне и доказывать нечем было... (*Разводит руками*). Запросы на Урал посылали, потом в Белоруссию, да ведь и фронт-то на месте не стоял... Не особенно возились с такими, как я... Отправили в Молотовскую область, в Соликамские лагеря... На лесозаготовку...

Флюра (*в отчаянии*). Да как это? (*Придерживая живот*). Разве так можно? С младенцем? После оккупации...

Баба Вера (*сокрушаясь*). Столько лет в себе держала! Молчала!

Мишка (*в сторону*). Как партизан!

Сергей. Гвозди бы делать из этих людей...

Мишка (*подхватывает*). Не было б в мире крепче гвоздей!

Баба Вера (*поддерживая сестру*). Если можешь, говори, нет – прекращай! Не мучай себя! Нервы побереги! Здоровьишко своё!

Мария (*просит*). Выговорись! Столько лет в себе держала, нас всех оберегала! Чтоб анкеты у всех были чистые... (*Оглядывает старших*). Ну, это для тех, кто понимает... (*Молодым*). Вам же никогда не понять этого животного страха за своих близких! За их судьбу!

Гутя (*устало*). Доскажу, душу свою успокою. Прибыли мы в комендатуру в Соликамск, там большой портрет товарища Сталина, плакаты какие-то про дружбу народов, про счастливое детство...

Флюра. А ребёночек-то с вами?

Гутя. Со мной... Как раз комиссия была, чтоб детей, значит, забрать, в ясли-сад определить круглосуточный, а нас – на прямые работы.

Мишка (*встревая*). Всё – для фронта, всё – для победы!

Ирина (*ищет*). Уймись ты, Мишка!

Гутя. Вот-вот! Всё для фронта... И так нас проверяли да перепроверяли, мы уж виноватыми сами себя считать стали, что живы-то в оккупации остались! Головы поднять не смели... Все с подозрением на нас смотрели...

Баба Вера (*напоминает*). Ты это... Про врачиху-то расскажи! Не забудь!

Гутя. Мир не без добрых людей! В комиссии-то докторша была, как я потом узнала, она тут, считай, лет семь уж отбыла. Сидела или уж вольнонаёмной являлась? Не

помню... Её мужа в Ленинграде арестовали после убийства Кирова, вроде, как в заговорщиках состоял... Сгинул, концов не найти! А жена того...

Мишка (*подсказывает*). ЧСИР – член семьи изменника родины. Их тогда в такие лагеря, в основном, и ссылали.

Макс (*тихо Сергею*). Откуда он это знает?

Сергей (*тихо Макс*). Историей интересуется, читает всё подряд...

Гутя. Да-да! Жена врага народа! Пожилая уже женщина, видно, что опытная... Чёрненькая из себя, евреечка... (*Виновато*). Голда? Да! Голда! А фамилию сейчас не вспомню... (*Растерянно*). Она записана у меня где-то...

Флюра. Бабушка, не волнуйтесь!

Гутя (*благодарит за поддержку*). Спасибо, деточка! (*Продолжает*). Взглянула она, докторша-то, внимательно в бумаги, потом на меня, потом на девочку мою... Поняла всё без разговоров... (*Всхлипывает, вытирает глаза*). И поверила! При себе оставила, санитаркой. В сторонку отвела и строго-настрога наказала: никому никогда ничего не рассказывать! Ни при каких обстоятельствах! Под страхом смерти! Всегда держать язык за зубами! Всегда! Держаться одной линии, чтоб самой не запутаться да других не подвести! Помнить, что в анкетах указывать, а что нет, и твёрдо этого держаться! Не болтать, в общем!

Мишка (*Максу*). Не болтать! (*Прижал палец к губам*). Плакат известный такой в войну был.

Баба Вера (*с гордостью за сестру*). Всю жизнь тайну держала! (*Поднимает вверх указательный палец, оглядывает всех*). От так!

Галина (*всплеснув руками*). Б-б-бабушка, ну, ведь не с-с-сто же лет, в-в-в конце концов!

Ирина (*нетерпеливо*). И сколько вы в этих лагерях-то?

Гутя. Только в середине 1944 года все бумаги на меня пришли, когда Белоруссию от фашистов освободили... Нашли-таки запись, что у меня ребёнок в мае родился... Марку Моисеевичу благодарность, что записал меня тогда. Дважды спас, получается! Никто ведь не знал, что Симочка в сентябре умерла, а я другую деточку подобрала... (*Плачет, Флюра гладит её руку*). Тоже Симочкой назвала...

Баба Вера (*сестре*). Поплачь – слезами горе выходит! Симочка по жизни хрупкая была, деточка-то наша. Шутка ли, в оккупации была, да, считай, с мамкой в лагерь поехала...

Ольга (*сестре*). Ничего себе, хоть кино снимай!

Мария (*услышав*). Ага! Только жанр определить надо: драма или трагедия! Когда бабка ваша из лагеря вернулась, в чём только душа держалась! Весила, как подросток... Одни глаза на лице остались...

Баба Вера. Гутя после возвращения по участкам ходила, так ей кто хлеба давал, кто бутылку молока, кто варёное яичко... А она домой несла, Симочку, меня да маму Катю подкармливала. (*Вспоминает с горечью*). Отец в трудармии был, один брат на фронте, другой – в заводе... В войну-то мама Катя с голоду пухнуть начала, кое-как перемогалась... Одежда, ватники стегала, варежки шила... Тем и жили...

Мишка. Вся страна так жила: наш труд – фронту! (*Искренне гордясь*). У меня вот другая прабабушка Дарья Михайловна и прадедушка Василий Платонович – эвакуированные из Подольска, дневали и ночевали в цехах, план перевыполняли. Бабка – бригадир была, всех поселковских и деревенских учила на станках работать. Дисциплина – железная, характер – тоже!

Гутя. О себе не думали, работали только...

На веранде появляется Борис, он слышал последние слова.

Борис (*обнимает Бабушку Гутю за плечи*). Ну и ну! Урок истории превратили в исповедь! (*Видя её волнение*). Пожалейте человека, оставьте историю до следующего раза... (*Оглядывает присутствующих*). Ну, молодёжь, поняли хоть чуточку, какова она – настоящая-то жизнь?

Галина. Н-н-не книжная! (*Постепенно успокаиваясь*). Р-р-реальная! Наша!

Баба Вера (*разглаживает руками платье на коленях, вздыхает*). Жизнь протянется – всего достанется.

Борис (*ребятам*). Вы хоть спросите, как она замуж потом вышла? Как матушка моя Ираида на свет родилась? Интересно?

Ольга. Конечно, интересно!

Флюра (*спохватывается*). А ребёночек-то как? Симочка?

Гутя (*устало*). Осенью 1944 года, уже с ребёночком, сюда вот в родные края вернулась. (*Смотрит на сестру*). Правда, по всему посёлку, по участкам бегала, помощником фельдшера была. Работы полно! Не до личной жизни. А потом... (*Смотрит куда-то вверх, вспоминает*). Привезли в посёлок откуда-то целые бригады молодых работников. Ну, они план давали, но ведь и отдыхали тоже. Сразу после войны все мирной жизни радовались, так они в футбол играли, с нашими, с заводскими. А меня как-то на стадион послали с бинтом, с зелёной – ссадины замазывать. Одного парнишечку во время игры сшибли, пришлось повязку на коленку наложить. На следующий день он в медпункт пришёл на перевязку...

Баба Вера (*трогает слуховой аппарат, задумалась о чём-то, вспоминает, невпопад*). Да-да! Под завязку привезли их, в заводе работать да на стройке. Все беспризорники, да нерусские притом... Кто откуда-то! А наша-то Гутя сразу Мирасу глянулась! Он и айда к ей захаживать! Он её сразу раскусил, что она порядочная!

Гутя (*машет на неё руками*). Скажешь тоже! Так уж и сразу!

Баба Вера (*настойчиво*). На вот, девки пляшут! Конечно, сразу! Полечился-полечился, а потом женился! А затем и вовсе увёз с Урала! (*Поясняет, гордясь за сестру*). Их потом, беспризорников-то, с трудовым стажем, дальше учиться отправили. Мирас-то наш тёмненький был, узкоглазенький, казах по национальности оказался... (*Разводит руками*). А может, ещё каких кровей? Беспризорник! Чего с него спросишь? Сам-от сызмалства по детдомам! Время-то, сами знаете, какое было!

Мишка. Родителей-то, наверное, репрессировали, то и беспризорник...

Галина. Но такой был обходительный, заботливый, что Гутю, рассказывают, родители отпустили с ним без разговоров! Даже свадьбу тут справили, уже после войны-то! И даже пальто из шинели! Баба Катя шинель-то отцову распорол, чёрной краской выкрасила, а потом эвакуированный из Подольска, настоящий портной, Моисей Иосифович, пальто-то и сшил!

Мария (*ребятам*). Так дядя Мирас всю жизнь на неё надыхаться не мог! Лучшей пары я в своей жизни не встречала!

Гутя (*кивает утвердительно, глубоко вздыхает*). Всё про меня знал, всё понял! На офицера выучился, чтоб нам условия человеческие создать. Дочек любил! Во внуках души не чаял! (*Ласково смотрит на Бориса*). Бориска-то у нас старший! По стопам деда пошёл – тоже военный!

Флюра (*гордясь мужем*). Подполковника недавно получил! Отличный специалист по компьютерной безопасности!

Борис строго смотрит на неё, чтоб не сказала лишнее. У него зазвонил телефон, он достаёт его, отойдя в сторону, немногословно отвечает.

Флюра (немного смутившись). Ну, там... Командировки у него важные...

Сергей (в сторону Бориса, шутливо). Знаем, знаем! Почти что Штирлиц! Рады за него: за рубеж летает, языки разные знает, в компах шарит... (Мишке и Макс). Учитесь у дядьки! Человек дела! Не пустозвон! Не болтун! Надёжный во всех отношениях! Сказал – сделал!

Баба Вера (восхищённо). Светлая голова! Чё уж! (Разводит руками). Хотя и тёмная! (Смотрит пристально). Уже и с сединой!

Галина. Лучшие черты дяди Мираса перенял, всех нас заботой, как и он, окружает! Помогает, чем может. (Смотрит в сторону своего сына). Дядя Мирас, когда умер... В Алма-Ате... (Подбирает слова). На кладбище возле могилы стоял почётный караул, и стреляли автоматчики! Вот он какой был!

Флюра (смотрит влюблёнными глазами на мужа, смущённо улыбается). У нас первенца Мирасиком зовут! А Бахыт и отец отличный, и муж!

Борис (убирает телефон, укоризненно смотрит на жену, смущается). Да вы что! Бросьте хвалить! (Заговорщически прищуривается, затем поднимает палец вверх). Внимание! У меня для вас сюрприз есть! (Пытается сдержать улыбку). Для бабулек к юбилею! А особенно... (Интригует). А особенно для Галинки и её детей!

Ольга (недоверчиво). Сюрприз?

Ирина. Для нас?

Галина (указывая на себя). Мне? Сюрприз?

Борис (хлопает в ладоши, шутит). Приготовились! Раз! Два! Три! На месте фигура замри!

Картина 8

На веранду, медленно ступая, входит смущённый Павел. В потрёпанных джинсах, старой ветровке, с рюкзаком за плечами, в руках букет полевых цветов. Поначалу даже не смотрит в сторону своей жены и детей. Долгая пауза. Все уставились на него. Галина охает, закрывает лицо руками, беззвучно плачет. Дочки кидаются к ней, присаживаются возле неё на корточки, утешают, не знают, как себя вести. Макс сжал кулаки, смотрит исподлобья. Павел несмело подходит к бабушкам Гуте и Вере.

Павел (шумно вздохнув). Добрый-предобрый вечер! (Торопясь, неловко вручает имениннице букетик, присаживается на корточки, берёт её за руки). Не ругайте! Вы только простите меня! Простите! Если вы это сделаете, то и они, может быть, меня извинят! (Кивает в сторону жены и детей). Простите! (Умоляет). Я потом всё им объясню!

Макс резко отворачивается, Мишка в знак поддержки толкает его в бок, потом вместе с ним поднимается и выходит.

Баба Вера. Марик, ты куда? (Протягивает вслед руки, но рядом охает сестра). Останься! погоди! Ма-а-арик!

Гутя (хватаясь за сердце). Ой, батюшки! Да что это? Столько всего сегодня за день свалилось! Па-а-авлик! Ты-ы-ы? (Вглядывается в него, кулаками по-детски трёт глаза). Сердце, сердце, боюсь, не выдюжит! (Хватает ртом воздух). Охо-хо-нюшки-и-и!

Флюра хватается за полотенце, машет на бабушку Гутю. Борис стоит в недоумении, уже не рад собственному сюрпризу.

Серёга (*пожимая плечами, иронично*). Сумасшедший дом какой-то! (*Борису*). Это вы возвращение блудного сына организовали?

Борис утвердительно кивает.

Мария (*изумляясь*). Ну-у-у, сериал просто! Индийское кино отдыхает! «Зита и Гита», «Рам и Шиам» российского разлива! Только плясать вот некому! (*С укором глядя на Павла*). Все нервы семье истрепал!

Баба Вера. Павлушка! (*Хлопает его ладошкой по лбу*). Сумасшедший! Смотри-кось, бабка-то помрёт ещё за день до юбилея! (*Кивает на сестру*). Чё тогда делать будешь? А мы гостей уж созвали, всего понаготовили! (*Показывает рукою вокруг*). Понятно, не пропадут продукты, выпивка, если что... (*Осеклась, поняв, что сморозила глупость. Крестит незаметно рот*). Прости меня, Господи!

Павел поднимается на ноги, трёт затёкшие ноги. Борис умоляюще смотрит на них, прося прощения за неловкость, разводит руками.

Павел. Прости-и-и-те!

Гутя (*ловит взгляд сестры, баба Вера согласно кивает*). Мы-то тебя прощаем! Прощаем! Чё уж! А ты забирай семью...

Баба Вера (*подхватывает*). Да разбирайся сам с имя! Нечего в семейном деле чужим ушам быть! (*Машет Павлу, который уводит Галину и дочек*). Потом придёшь... Расскажешь, где тебя носило...

Флюра (*бабушкам*). Пойдёмте-ка, я вам давление померяю да валерьянки накапаю... (*Качает головой, с укором смотрит на мужа*). С ума совсем сошли! Ну, и сюрпризы у вас... (*Уводит бабушек с веранды, поддерживая и что-то тихо советуя*). Побережься вам надо... Завтра день такой...

Действие III Картина 1

Поздний вечер. В комнате Мария, Борис и Павел, на столе ноутбук. Мария из своей сумки достаёт какие-то папки, листки.

Мария. Вот что, касатики! Не знаю, как подступить прямо? Помощи прошу у Вас и совета! Боюсь вгорячах дров наломать, особенно в эти дни... Да с родней не перессориться... (*Смотрит на свою правую руку*). По мордасам пощёчин не надавать... Эмоции не сдержат, знаете ли! (*Вздыхает*). Вот ведь как в жизни бывает: чужих детей учишь-учишь – и получается, а своих где-то и просмотришь! (*Павлу*). Пока ты на Северах загорал... (*Осеклась*). Прости, вырвалось! Ну, это... Отсутствовал... Сынок твой в футбольные фанаты подался... А там всё рядом: скинхеды, бандеровцы, националисты, экстремисты, фашисты...

Борис (*серьёзно*). Есть сведения, что и на Украине, и в России появился капитал, финансирующий фашизм. Частный капитал покровительствует фашистам... (*Включает ноутбук*).

Павел (*изумляясь*). Да ну! Да не может быть! Да вы всё преувеличиваете! С чего вы взяли? Галинка, разве... Так она, известно, всё бы у подола держала... Ну, парнишка и начал уходить из-под контроля... Возраст такой! Улица, футбол – известное дело!

Мария. Вот ты, Павел, ей-Богу, как маленький! (*Оглядывается на Бориса, ища поддержки*). В этом вопросе лучше перебдеть, чем недобдеть! Пока ты прохлаждался... (*Осеклась*). Прости, вырвалось! Галинка твоя права, она сердцем матери беду учуяла, привезла сынка сюда, хотя он руками-ногами отбивался, на футбол этот чёртов ехать хотел...

Борис (*заглядывая в ноутбук, ищет необходимый сайт*). Так... Новости... Украина... Состоялась драка между фанатами двух клубов... М-м-м... В числе задержанных имелись несовершеннолетние... М-м-м... Восемь человек госпитализированы в больницы города с травмами разной степени тяжести... М-м-м... Некоторые выкрики болельщиков имели националистическую направленность... М-м-м... Руководство клубов и фанатских объединений предупреждены о недопустимости экстремистских выпадов в адрес друг друга, в противном случае футбольные матчи будут проходить при пустых трибунах... (*Ищет информацию*). Или ещё... Манифестанты развернули символику скинхедов, украинских футбольных клубов, знамени украинской повстанческой армии. М-м-м... Шествие фанатов сопровождало спецподразделение милиции, однако правоохранители смотрели на всё спокойно – даже на дымовые пашки, которые зажгли в толпе...

Павел. Так там мой сын мог быть? В этих драках? Там же жертвы!

Мария. А то! Жизнь они не считают ценностью! Ни свою, ни чужую!

Борис (*озабоченно вглядываясь, ищет всё новую информацию*). Как правило, жертвы бывают с той и с другой стороны! Да ты послушай, послушай, а то от жизни отстал! М-м-м... Марш националисты начали с исполнения гимна Украины и сопровождали лозунгами «Геть совковый чемпионат!», «Мы не хотим ни в Грозный, ни во Владивосток!», «Негров – в Африку, украинцев в «Днепр», «Шахтёр», «Динамо», «Легионеры забирают украинскую перспективу!», «Вы хотите такую сборную: Мумбо-юмбо? Мака-ка?» и др. Достаточно!

Павел (*растерянно*). Как всё запущено... Виноват я, конечно... Свои проблемы решал... Борис на меня вышел. По своим каналам... Убедил вернуться. (*Вздыхает*). Понял я, что дороже семьи ничего в жизни нет! Когда на вахте был, кинули меня на деньги. На бо-о-ольшие деньги! (*Виновато сутулясь*). Всё ещё должен... Потом в больнице лежал... (*Подумав*). С ранением... (*Ещё подумав*). С огнестрельным... Не писал даже... Я думал, у Галины другой там появился... Крепкий, здоровый... Она красивая! Да и стыдно было пустым возвращаться... А там такое! И мой сын среди них... (*Напряжённо раздумывая, чешет затылок*). Надо уезжать оттуда! (*Вспоминает*). Я вот... Присягал одной армии, потом оказался в другой... Союз развалился, оказался не у дел... (*Сознаётся*). Закуролесил маленько. Я вот от суржика устал... И по-украински толком не научился, и русский уж забывать начал... Работы не было, то и мотался на вахты... (*Чешет подбородок*). Прокараулил парня! Пора сюда, в родные пенаты, возвращаться... А то там и лозунги какие-то странные... Непорядок!

Мария (*в сердцах*). Да уж! Непорядок! Но это прежде всего папаши все в разнос пошли! Сдурели совсем! Ты по вахтам... (*Иронично жестикулирует*). Наш в курортном романе весь... Заотдыхался в санаториях: массажи делает, душ Шарко принимает, по тропе здоровья гуляет, на танцах «Для тех, кому за тридцать» развлекается, кушает четыре раза на дню, полдничает, тихий час соблюдает... Ма-ла-дец! Хорошо устроился! А что в семье... (*Машет рукой*). А что в стране делается... И у вас, и у нас! Вам наплевать! Никакого отцовского влияния! Как моя мать говорит: «Жена верховодит, а муж по соседям бродит...» (*В сторону*). Или того хуже... На сторону... (*С тревогой*). А я за своего младшего боюсь! Горе от ума, знаете ли! Перечитал, перекушал истории... Марши советской поры горланит:

Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,

И первый маршал в бой нас поведёт!

Мыслит глобально! Людские массы... Массовые потери... Человеческий материал... Неизбежность жертв! Не хочу я, чтоб у Мишки вместо сердца пламенный мотор был!

Не хочу! А он, смотрю, с бабкой марширует, репетирует, а она, как... *(Подбирает слово)*. Простенькая... Умиляется... Как ребёнок, ей-богу!

Павел *(виновато)*. Ну и...

Мария. А то ты не понимаешь? Что жизнь, каждая человеческая жизнь – ценность! Что беречь её надо безмерно! Всеми силами! А наши сынки... *(Поднимает палец вверх)*. На-а-а-аши! *(Тычет Павлу и себе в грудь пальцем)*. Твой и мой! Наши этого не понимают! Один допускает, что можно бить, унижать человека по национальному признаку, другой – что люди ради прогресса, например, индустриализации или коллективизации, должны жертвовать собой. В головах у них полный хаос! Это я тебе говорю! Меня аж колотит от их взглядов... *(Всматривается в Павла)*. Тебя наши дети волнуют? Тебе вообще это интересно?

Павел. Мне? *(Недоумённо)*. Так может позвать лучше их, что ли? Чего меня-то учить? Я уж вырос...

Мария *(устало)*. Ну, зови! Зови! Давайте расставим сегодня все точки над «и», чтоб на бабкином юбилее чего-нибудь не произошло, какой-нибудь новой потасовки...

Картина 2

Мишка (в сандалиях и футболке), Макс (в рубашке с рукавами и в шлёпанцах) сидят на скамейке возле бани, смотрят в разные стороны.

Макс *(сплёвывая, с досадой)*. Бачу я... *(Поправляется)*. Смотрю я, и уйти-то отсюда некуда? Как на подлодке, мля! Одна и та же команда! *(Закуривает, пускает дым в сторону, так как Мишка отстраняется и машет рукой, гасит сигарету, чертыхается)*. А ты чего ушёл? Сидел бы дальше, слушал всю эту хренотень! *(Ядовито)*. Слюни, сопли, слёзы... *(Передразнивая отца)*. «Простите-извините»... *(Хмыкает снисходительно)*. Почти два года... Может, он в тюрьме сидел? В прикиде каком-то отстойном?

Мишка *(пожимает плечами)*. Ну, может... *(Отодвигается)*. Если он такой же буйный, как ты! Всё кулаками решает...

Макс *(усмехаясь, поигрывает мускулами)*. Да нет! Его бабка Сима когда-то обуздала... Воспитала, чтоб не шальной был... Культурный... С нами в театры-библиотеки ходил... Уроки учил... На природу там...

Мишка. А слушай, чего они тебя всё Марик да Марик зовут? *(Всххатывается)*. Кликуха какая-то? Как у котёнка!

Макс *(чертит что-то палочкой на земле)*. Сам только сегодня узнал почему... *(Замолкает)*. Ну, пусть зовут, если им так хочется, мне не в лом...

Мишка *(пристаёт)*. А вот почему? Я хочу знать, из спортивного, может быть, интереса.

Макс *(раздумывая)*. Слышал ведь, доктор этот... Ну, врач, роды принимал... Перед войной... В мае сорок первого года.

Мишка *(хлопает себя по лбу)*. Марк Моисеевич!

Макс. Ну, когда я только родился, бабка Гутя...

Мишка *(прерывает)*. Юбилярша наша...

Макс *(кивает)*. Да-да! Оказывается, она очень просила, если мальчик появиться, то Марком назвать, бабка Сима и мать не против были. Целый месяц меня Мариком-то и звали. Всей родне написали, раззвонили, раструбили... А когда пришли записывать в ЗАГС, то отец назвал Максимом в честь своего армейского друга... Он в те дни как раз на Кавказе погиб...

Мишка. В Чечне что ли?

Макс. В Чечне! Десантники... В засаду попали... Ну, мать и согласилась, не стала спорить с отцом. Бабка Сима тоже всё поняла, она с детства знала того парня, семью его... Мать... А следующего сына или внука обещали уж точно Марком назвать... Бабка Сима...

Мишка *(прерывая)*. Бабка Сима! Там, в комнате, на портрете... *(Кивает в сторону дама)*. Слушай, а она сама того... Знала, каких она кровей?

Макс *(разводит руками)*. А я почём знаю? Никогда разговоров на эту тему просто не было... Они же молчали все эти годы... *(Подумав, подбирая слова)*. Как партизаны... Надо же... Вот уж открытие!

Мишка *(подтрунивает)*. А ты теперь знаешь! Небось, хвастаться сейчас будешь... *(Дразнится, вытягивает шею, высокомерно поглядывает по сторонам)*. Зато все евреи умные! Ага! Нобелевские лауреаты! Сейчас соответствовать придётся! *(Тычет его в бок)*. Колись, как звать-то тебя сейчас!

Макс. Э-э-э! *(Снисходительно)*. Зови, как хочешь! *(Вздыхает)*. Чудно! *(Как бы пробует имена на вкус)*. Марк! Максим! Чё к чему?

Мишка *(невпопад)*. Марк Антоний! Марк Туллий Цицерон! Максим Перепелица! Хм! Мне лично «Марк» больше нравится! Древний Рим!

Макс. А это не по-еврейски разве?

Мишка. Какая разница! Зато круто! Марк! Как в Древнем Риме! *(Поднимает большой палец вверх)*. Во! Отцы Римской империи!

Макс *(встает, потягивается, меняет тему)*. А твой отец где?

Мишка *(нарочито весело)*. Наш-то? Ну-у-у, как сказать? *(Смущается немного)*. Как сказать... Мать говорит: «Жертва кризиса семейных отношений». После курортного романа недавно отправили его к налоговой тётке, с которой он... *(Подбирает слово)*. Скажем так, подружился... *(Качает головой, иронично)*. Он, конечно, ездит каждый месяц... *(Раскачивается из стороны в сторону)*. Помогает, помогает там чего-то...

Макс *(в сторону)*. Ну, хоть так...

Мишка *(в порыве откровенности)*. Но недавно я узнал... От меня скрывали... *(Манит Макса пальцем, то наклоняется к собеседнику)*. Скрывали, что тётка та налоговая отжала у него денег порядочно! *(Разводит руками)*. Брат говорит: «Как раз бы на хороший внедорожник хватило!»

Макс *(сочувственно)*. Да, уж! Лоханулся не по-детски!

Мишка. Вот и женись после этого!

Макс. А чего у тебя брат не женится?

Мишка *(парирует)*. А чего у тебя сёстры не замужем? *(Усмехается)*. Права мать: кризис семейных отношений! Скоро все «Дом-2» смотреть будут, а сами жениться перестанут!

Макс. Ну, мы с пацанами такую хренотень не смотрим! Футбол. Спортивные каналы, машины, музыка там... А вот сеструхи, пожалуй, тащатся от обитателей этого зверинца...

Мишка. А я всё подряд по истории смотрю! Прикольно! Военная техника, стратегии, карты, схемы. Биографии, мемуары разных генералов читаю, энциклопедии. Мать, заняться-то ей нечем, обрушивает на меня свой пыл неуёмный – заставляет в конкурсах по истории участвовать... *(Загибает пальцы)*. А ещё по праву, по обществоведению, по русскому, по литературе...

Макс *(таращит глаза)*. И зачем?

Мишка. Брат, как и ты, тоже говорит ей: «Зачем? Зачем ты из него ботаника делаешь?» Серёга институт закончил, но амбиций у него нет, карьеру делать не хочет, не

заморачивается на этом совсем. В Инете зависает. Работает. С девочками на машине катается. Горя не знает! Мать его подружек «мультяшками» зовёт...

Макс. А ты?

Мишка. А я, знаешь, сам в чтение втянулся. Мне самому всё ин-те-рес-но! *(Макс, недоверчиво усмехаясь, смотрит на Мишку)*. Нет, правда! Да и кругозор расширяется! *(Подтрунивая над Максом, стучит пальцем себе по лбу)*. Не только ведь мускулы, мозги-то тоже можно накачивать! В исторических, политических, социально-экономических вопросах разбираться!

Макс *(тянет тоскливо, усаживаясь на лавку)*. Да вот ещё... Политика... Скука смертная...

Мишка *(горячо)*. Ты, как мой брат, говоришь! Удивляюсь: он – в России, ты – на Украине! Ему тоже все политические проблемы – по барабану! Что коммунисты, что демократы, что единороссы у нас... Что ваши оранжевые или жёлто-голубые у вас... Что парламент в Великобритании, что исследование Арктики и геополитические проблемы, с ней связанные... Ему совсем не интересно... На выборы ни разу не ходил...

Макс *(равнодушно)*. Мои сеструхи тоже... Они не заморачиваются... У них только тряпки на уме... Гламурные журналы, светские сплетни, аськи, сайты знакомств...

Мишка *(оглядывается)*. Мать сокрушается, что все мы немного того... *(Подкручивает пальцем у виска)*. Дети реформ! Социальные подранки! Моральные инвалиды!

Макс. Хорошо ещё, что не уроды... *(Осёкся, поджал губы)*. Хотя иногда... *(Стыдится)*. Хотя иногда, пожалуй...

Мишка. Слушай, а чего вы, скинхеды разные...

Макс *(молча поигрывает пачкой сигарет)*. Ну, какие ещё скинхеды? *(Раздражаясь)*. Отстань! Надоел!

Мишка встал, ходит перед Максом, постукивает себя веточкой по ногам, вопрошает.

Мишка. Ну, извини, фанаты! Вот мне очень интересно! Слушай, а чего вы, правда, сбиваетесь, как стадо? Как быдло? Как стая? Клубитесь. Ради чего? Напридумывали себе проблем... Врагов... Внутри своей страны... Легионеры из Африки, например? За ваши же команды играют? Чтоб вы на трибунах резвились!

Макс *(раздумывая, вязываться ли в спор)*. Да так! От скуки, пожалуй... От нечего делать...

Мишка *(с силой хлопает себя веткой по ногам)*. И у нас в городе эмо всякие, сатанисты, неонацисты... Не так давно трое скинхедов избили у нас на Уралмаше женщину мусульманского вида... Воткнули в глаз восьмисантиметровый железный штырь... Её едва откачали... Она из Башкирии приехала – соседний регион... *(С упором)*. Рос-си-я! Гражданка России! *(Наклоняется к Макс, заглядывает в лицо)*. Скажи, она лично тебе, таким, как ты, мешает? *(Горячась)*. Мешает? Чем?

Макс *(вскипает)*. Да ты знаешь, этническая преступность! Наркотики! Проституция! Угоны машин! Рынки!

Мишка *(вытаращив глаза)*. Что-о-о? Обыкновенная тётка в платке? С кошёлками? С пирожками? Домой шла... *(Разводит руками)*. Это она бандитка? И как вы... Вы это как поняли? Вот так сразу?

Макс *(заученно)*. На улицах наших городов всё больше появляется нелегалов... Рынки держат кавказцы и армяне... По праздникам во дворах режут баранов... Занимают наши рабочие места... С нашими девочками по барам сидят...

Мишка *(изумляясь)*. Ну-у-у, тупые-е-е! *(Свысока, поучая)*. Хорошо! Давай разберёмся. Про нелегалов. А кто это допускает? *(Держит паузу)*. Власть! Можно ли купить

любую справку, чтоб поселиться возле нас с тобой? *(Пауза)*. Можно! За взятки можно провести взрывчатку, чтоб быстро убить нас с тобой? *(Пауза)*. Легко! Распространять наркотики, чтоб медленно уничтожить нас с тобой? *(Пауза)*. Без проблем! Зарегистрироваться за деньги хоть... *(Подыскивает слово)*. Хоть возле атомного объекта? *(Пауза)*. Да, пожалуйста! Кто в этом виноват? *(Пауза)*. Молчишь? *(Пауза)*. Власть! Так чего же вы, скинхеды... *(Споткнулся)*. Или как вас там? Так чего же вы власти вопросы о коррупции не задаёте? *(Прищуривается)*. А? Очкуете? Макс *(поднимаясь, угрожая)*. Опять под кожу лезешь? *(Заворачивает рукава)*. Схлопотать хочешь? *(Угрюмо)*. Умный такой? Ты так до всех докапываешься? Мишка *(отстраняясь)*. А я что? Я ничего! *(Поднимает вверх палец)*. Юпитер, ты сердисься! Значит, ты не прав! И на мои вопросы ты не ответил! Я с тобой только раз-го-ва-ри-ва-ю, а ты злишься и ответов не даёшь. *(Напористо)*. Значит так... *(Загибает пальцы на руке)*. Значит, против бабы в платке, против строителя-таджика, против старика из синагоги, против инвалида на коляске, против цыганёнка – вы смелые, а против власти... *(Оглядывается, чтоб не услышала мать)*. Против власти, против начальников, против продажных чинарей – вы ссыте! Ссыте! Макс *(негодую)*. Ну-у-у, ты меня достал уже своими упрёками! *(Выходит из себя)*. Заткни-и-ись! Я фанат футбольный – и точка!

Из тёмных кустов звучит тревожный голос Галины, чтоб они не ссорились, затем голос Павла, зовущий ребят в дом. Напряжённый Мишка и раздражённый Макс заканчивают на полуслове разговор и отправляются к крыльцу, не глядя друг на друга.

Картина 3

В комнате Мария просматривает какие-то бумаги, раскладывает перед собой. Павел вводит Мишку и Макса, не очень довольных. Макс сбрасывает со своего плеча руку отца. Следом входит Галина.

Павел *(докладывает)*. О чём-то опять спорили, Галине чуть не разнимать пришлось... Мир их не берёт!

Мария *(с благодарностью)*. Спасибо, сестрёнка! *(Ребятам)*. Садитесь, давайте. А остальная-то молодёжь где?

Галина. Серёга твой увёл на речку, развлекаются, отдыхают. Все девчата с ним: и Флюра, и Ольга, и Иришка. Меня звали, да этих разве одних оставишь? *(Кивает на пацанов, усаживается на диван, сложив руки на коленях)*.

Павел *(тихонько Галине)*. Мы тоже потом с тобой на речку ходим... На наше старое место... Пожалуйста...

Галина *(поводит плечом, смущаясь, в сторону)*. Ну, уж... Ну, даже не знаю... Потом...

Мария *(строго взглянув на пацанов)*. Прививка вам нужна! Прививка от национализма, фашизма, сталинизма!

Мишка *(пытаясь шутить)*. А это не больно?

Макс *(недовольно)*. А чего от меня... *(Оглядываясь на Мишку)*. От нас надо?

Мишка *(недоумённо)*. Я ничего... *(Оправдывается)*. Мы ничего такого не делали... Так, разговаривали!

Борис *(примиряющее)*. Это самое главное! Самое! Раз-го-ва-ри-ва-ли! И мы вас за этим же, ребята, пригласили! Поговорить! Вот я давно, несколько лет уже, составляю подробнейшую родословную... *(Поворачивает к ним экран)*. По электронке с роднёй списывался, добавлял, дописывал... И вот смотрите, что у нас получается... *(Ребята*

подходят). Мы все здесь с вами: Мария, Галина, я через свою мать Иру, дочь Августы Васильевны, ты Михаил, ты Максим – все восходим к деду Василию...

Макс (*упрямо, кривя губы*). А я-то с какой стати? Я получается еврей! У меня бабка еврейка! Вот так вот! Приехали! (*Разводит руками*). Теперь не я, теперь меня бить будут!

Мишка (*в сторону*). Да кому ты нужен...

Галина (*Павлу в отчаянии*). Ну, вот... Ну, что мне с ним делать?

Мария (*сокрушаясь, Макс*). Ты, правда, ничего сегодня не понял? Не услышал? Или не захотел услышать?

Мишка (*в сторону*). Большой вырос, а ума не вынес!

Павел (*виновато*). Он так просто, не подумав...

Мария. Твоя прабабка Гутя, Максим, молодюсенькая девчонка, в сорок первом году, в оккупации, под немцами, в первые месяцы войны потеряла и мужа, и ребёнка... Чуть сама не умерла... И волею случая другая деточка, живой бессловесный комочек, без году неделя, её спасла и физически, и морально! (*Жестикулирует, объясняет*). Потому что выжить в тех условиях без смысла, без цели, без живой души рядом было практически невозможно! Люди от отчаяния, безысходности, невыносимых страданий просто сходили с ума! А маленькое существо помогло ей преодолеть ад фашистской оккупации и муки сталинских лагерей! Понимаешь ты это?

Галина (*трогает руку Марии*). Ты про гетто, про гетто ему расскажи! Про Холокост ещё...

Мария. Да, про Холокост... Вот мы далеко здесь живём, на Урале, считай что, в тылу... А эта тема меня волнует, тревожит... Знаете, дожили! (*Оглядывает всех*). Дожили! Из пятнадцати московских гимназистов никто не знает, что такое «Бухенвальд»! Спрашивают, чья это фамилия...

Галина (*укоризненно качает головой*). В наше время такие вопросы стыдно было задавать! Просто стыдно!

Борис. Мы раньше книги читали...

Павел (*вертит головой, оглядывая окружающих*). Так ведь раньше и песня по радио звучала... «Бухенвальдский набат».

Мишка (*в сторону, напевает*).

Люди мира, на минуту встаньте!

Слушайте, слушайте!

Гудит со всех сторон!

Это раздаётся в Бухенвальде

Колокольный звон,

Колокольный звон...

Мария (*трогая сына за плечо*). Так чтоб не было стыдно, мои студенты, мой Мишка, я сама писали на конкурс работы по Холокосту... О миллионных жертвах еврейского народа в годы войны...

Мишка (*уточняя*). Второй мировой войны... Точнее с 1933 по 1945 год... (*Усаживается на диван поглубже, тянет за собой Макса*).

Макс (*буркает*). Не умничай!

Павел (*несмело*). Послушай, сынок!

Макс (*огрызаясь*). Ты ещё учить будешь! (*В сторону*). Учитель нашёлся!

Павел (*примирительно*). Не надо так, сынок...

Мария (*привлекая внимание родственников*). И только совсем недавно узнали такое о нашей бабушке Симе... Ведь оказывается, эта трагедия прямо коснулась всех нас!

(Ребятам). Понимаете? Нас всех! Каждого! Да мне те люди, погибшие под Витебском, из родных родными кажутся! Думаю о них! Весной коллега о своей семье рассказала, так я спать не могла... Местечко Сенно, новогодняя ночь 1941 года, фашисты уничтожили узников гетто, уведя в лес и расстреляв там людей... Стариков, совсем юных женщин, младенцев... А им так хотелось жить! *(Волнуется)*. Они такие молодые были! Красивые! *(Показывает ребятам на ноутбук)*. Там сайт имеется, посмотрите потом сами!

Мишка *(матери)*. У тебя ведь стихотворение есть? «Память о Холокосте». Прочитай ему. *(Кивает на Макса)*.

Мария. Ну, не знаю... *(Смотрит свои бумаги, достаёт листки)*. Поймёт ли чего? *(Размышляет)*. А вообще, один мудрый человек, наш преподаватель, умница из умниц, чудом спасённый своей матерью летом 1941 года, Наум Лазаревич Лейдерман, когда я разговаривала с ним на эту горькую тему, заметил, что о Холокосте должны писать не евреи. Я сначала удивилась, а потом только поняла, насколько он оказался прав...

Мишка *(Максу)*. Ему было два года, когда его с сестрой мать привезла на Урал, с ними ещё слепая бабушка была... Мать боялась их всех по дороге растерять...

Мария. Но Наум Лазаревич посоветовал писать не о них, а о Семёне Спекторе, чудом выжившем в гетто, которого немецкий солдат штыком за помочи от штанишек отбросил с горы трупов в сторону...

Мишка *(уважительно)*. Я писал про него работу на конкурс. Семён Спектор едва выжил в гетто, потом стал врачом, тридцать два года был начальником военного госпиталя в нашем городе, в котором много лет лечился и мой дед Василий, военный разведчик, четырежды раненый...

Галина *(участливо трогая Мишкины вихры)*. Там твой отец с будущим тестем и познакомился, в белом халате практику проходил...

Павел *(сыну)*. Вот жизнь-то – какая сложная штука...

Борис *(Марии)*. Нашла стихотворение? Читай!

Мария *(Взволнованно)*.

Память о Холокосте

«Холокост» - колючее слово,
Повторять его я готова,
Чтобы совесть оно царапало,
Чтобы кровь бы больше не капала.
Та, что в сердце наше стучит,
А оно всё болит и болит.
И хоть годы прошли, как удар –
Бабий Яр, Бабий Яр, Бабий Яр...
Вместо детского смеха и школ
В сентябре у виска жуткий ствол,
На штыках из крупповской стали
Чьи-то жизни подчас угасли.
Не дрожала убийцы рука,
Кровь он смазывал с сапога,
Если брызгала чья-то кровь,
Он брезгливо лишь хмурил бровь.
И в Германию слал письмо,
Что со службой ему повезло:
Не бросаюсь, мол, я под танки,

На лице прижигают лишь ранки,
Если бреюсь небрежно с утра.
Вот опять на «работу» пора...
Где ты вырос, убийца людей?
Это враг твой – старик-иудей?
Или этот кудрявый малыш?
Умрив их, спокойно ты спишь?
Пнув беременной прямо в живот,
Ты хохочешь, открывши свой рот.
Не оглох ты от стонов, проклятий?
Не ослеп от предсмертных объятий?
Бабий Яр, а потом Аушвиц...
Не запомнил, конечно, всех лиц.
За Треблинку получен крест –
Пеплом землю покрыл окрест,
За Дахау – уже второй:
Ловко складывал трупы горой.
Убивал, глумился, сжигал,
Оказалось: приказ выполнял.
Но был первым среди равных себе,
Отличился в нацистской борьбе.
И обрёл на позор свой род,
Ты был редкий моральный урод...
«Холокост» - колючее слово,
Повторять его я готова,
Трудно с памятью этой живётся,
Но подлей, когда память сотрётся.

Все долго молчат, не знают, что сказать.

Галина (*бессильно машет рукой*). А у нас на Украине непонятное что-то творится...
Есть те, кто карателя Деменюка выгораживает...

Мария (*в упор смотрит на Макса*). Холокост отрицают... А у самих Бабий Яр под
боком! Вспомнили бы, сколько в Европе концлагерей было, где уничтожались
красноармейцы, военнопленные, коммунисты, евреи, цыгане, инвалиды... Ужаснулись
бы количеству жертв!

Мишка (*с презрением Максу*). На западной Украине памятник нашему земляку,
разведчику Николаю Кузнецову, Герою Советского Союза, краской обливают, глаза
выкалывают...

Галина. Прямо черное белым называют... Это так подло!

Павел (*подхватывает*). С советскими памятниками кое-где борются, даже с
военными... Могилы оскверняют... Видно, память у людей короткая, забыли, кто в
войне победил...

Мишка (*Максу*). Некоторые ничего не знают о военных потерях...

Макс (*огрызаясь*). Ты много знаешь!

Мишка. Да уж, побольше твоего!

Макс. У нас на Украине всё не так, что ли? Всё не так? А у самих-то... (*Поднимается,
ищет газету на столе*). Вот, корреспондент «Комсомолки» на Урале...
(*Подчёркивает*). Ваш местный кадр! Путешествовал на юг... Пишет... (*Находит
строки*). «На прогулке по Мамаеву кургану мы убили больше часа». Всё! Одна строка!

Убили больше часа... *(Показывает на пальцах, какого размера абзац)*. А дальше продолжение абзаца – всякая хренотень про шинок и стопку горилки да стопку спотыкача на халяву! *(Презрительно)*. Духовные все! Учить ещё будут! *(Отбрасывает газету в сторону)*. Н-н-у-у?

Галина. Раньше такую глупость редактор бы не пропустил, а сейчас, видимо, глаз и ухо не режет...

Мария. Может, с совестью что-то...

Борис. Пожалуй! *(Озабоченно)*. Учёные сегодня предупреждают об антропологической катастрофе. *(Подходит к ноутбуку)*. Сейчас найду... Так. Антропологическая катастрофа – это «событие, происходящее с самим человеком и связанное с цивилизацией»... М-м-м. Суть в том, что «в человеке может необратимо сломаться нечто жизненно для него важное, в связи с разрушением или просто отсутствием цивилизационных основ процесса жизни».

Мария *(Максу и сыну разъясняет)*. Цивилизационный кризис. Маргинализация населения. Утрата ценностных ориентиров... Отсутствие этических представлений. Понятий о добре и зле.

Борис. Вот, нашёл. Мераб Мамардашвили, философ. «Сознание и цивилизация». У него очень точно сказано. «Цивилизация же – это, прежде всего, духовное здоровье нации, и поэтому надо в первую очередь думать о том, чтобы не нанести ей такие повреждения, последствия которых были бы необратимы».

Мария. Невежество сжигает память! Не хотим знать, не хотим помнить, не хотим слышать друг друга, договориться... Как не быть антропологической катастрофе, если власти ничего не предпринимают против этого? Нет социально-исторического диалога между поколениями! Реформы образования буксуют! Внятной молодёжной политики как не было, так и нет! Культура в загоне!

Борис. Ну, уж! У вас в Екатеринбурге библиотеки, театры, музеи, газеты, журналы!

Мишка *(напевает военный марш)*.

Мы рождены, что сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор...

Мария *(с жаром, не обращая внимания на сына)*. Музеи, говоришь! Историческая память! Скоро учебный год. Хотела о посещении музея Уралмашзавода договориться, две группы студентов туда сводить... А там экскурсовод в слезах... Экспозицию закрывают. Никому из начальников музеев и даром не нужен!

Мишка *(прекратив петь)*. Ты ведь кому-то писала?

Мария. Пришлось. На электронную почту. Губернатору, в газету, на радио, депутату. *(Берёт из портфеля листок)*. Вот примерно, это черновик. «О каком межпоколенческом диалоге может идти речь, если закрываются музеи? Музей Уралмаша – уникален! Но никому из часто меняющегося на Уралмаше руководства не нужен, они не считают ценностью подлинные документы тружеников тыла, знамя Государственного Комитета Обороны, награды, личные вещи выдающихся людей (Н. Кузнецова, Банникова, Сатовского и др.), солдатские письма, фотографии, фрагменты брони, макеты танков, шагающего экскаватора, буровой установки и др. Когда мы говорим о деструктивном поведении молодёжи, политической апатии, низкой социальной активности, то должны спросить с себя: «А не мы ли в этом виноваты?» Ведь наше равнодушие к подлинным историческим ценностям передастся и детям, которые вырастут варварами и невеждами. Прошу вмешаться, деятельно помочь тем,

кто хранит нашу общую память о суровых годах испытаний и трудовых победах уральцев»... Ну вот как-то так...

Мишка (*трёт руками глаза, напевает, почти засыпая*).

И вновь продолжается бой,
И сердцу тревожно в груди...

Павел (*умоляюще, устало*). А давайте завтра, послезавтра... Ну, это... «И вновь продолжается бой...» (*Заискивающе смотрит на Галину*). Ведь поздно уже! Э-э-э... Спать ребятам надо...

Борис. Ты прав, Павел! Завтра важный день! (*Марши*). Договорим, не беспокойся. (*Серьёзно и требовательно*). Прошу всю нашу молодёжь завтра... (*Смотрит на часы*). Точнее, сегодня... Прошу соблюдать «водяное перемирие»! Чтоб только радовать бабушек! Никаких «военных конфликтов» и «горячих точек» на территории вверенного нам объекта! А все другие вопросы решим в рабочем порядке в течение нескольких дней! Понятно?

Мишка и Макс согласно кивают. Все встают, желают друг другу спокойной ночи, расходятся. Павел пытается остановить сына, но тот, дёрнув плечом, вырывается и уходит вперёд. Галина разводит руками, берёт мужа под руку, прижимается к его плечу, ища поддержки.

Картина 4

Комната бабушек, они в новых нарядных халатах, тапочках, косынках. Вокруг много цветов, уже чуть увядших. На столе стопка сверкающей упаковочной бумаги от букетов, её явно разгладили, прибрали, и будут использовать повторно. Сёстры рассматривают подарки, фотографии, убирают некоторые вещи в шкаф, неспешно ведут разговор.

Гутя (*внимательно рассматривает на подрагивающих ладонях старинный крепдешин*). Показала крепдешин нашим девчатам... Велели хранить как памятку! Не резать! Ничего не шить, оставить цельным куском! Помнить, как он у нас оказался, и рассказывать об этом всем нашим детям, внукам... (*Медленно заворачивает в бумагу, кладёт повыше на полку*).

Баба Вера. А Митюшка предлагает в краеведческий музей отдать, чтоб и другие эту историю узнали...

Гутя (*отрицательно мотает головой*). Не надо... (*Долго молчит*). Уйду когда... (*Не решается сказать*). Со мной положите... С собой заберу... Только моё это... Только моё... (*Совсем тихо*). И дочки моей, Симочки...

Баба Вера (*волнуясь, тербит пояс, накручивает его на пальцы*). Ну-ка, ты эти разговоры-то брось! Юбилей спраздновали! С роднёй увиделись! Может, наши-то с Украины сюда жить приедут! (*Оглядывается вокруг, широко проводит рукой*). Павлушка очень хочет! Галинка! Не пустовать же родительскому дому! Зазвучат ещё здесь детские голоса, захлопают двери, музыка заиграет! Сергуля на машинах с подружками прикатит! Мишка приезжать будет почаще! Марши петь будет! (*Улыбается*). Меня вот научил. (*Запевает, пытаясь развеселить сестру, марширует по комнате с веником, жестикулирует, делает выпады вперёд*).

Эй, винтовка, бей метко, ловко!

Без пощады по врагу!

Я тебе, моя винтовка,

Острой саблей помогу!

Гутя (*эхом*). Острой саблей помогу... А Мария его строжит, отчитывает...

Баба Вера. Известное дело. Которая рука по головке гладит, та и за вихор тянет. Чтоб не разбаловался! Вон как на Марика навалились, чтоб по кривой дорожке не пошёл! А так-от парнишко умный! Красивый! На загляденье!

Гутя (*с грустью*). Разъехались наши покуда, но хоть погостили, провели старуху, поздравили! Хорошая родня у нас всё-таки, Веруня! И дальняя, и ближняя! И соседи!

Баба Вера. Само собой! И Наташа с Валюшкой, и Ольга с Витюшечкой, и Люда с Андреем, и Сережа с Леночкой! И все их детки! (*Простодушно*). Вон сколь подарков нанесли! (*Показывает на себя и на сестру, а также на некоторые вещи вокруг*). А угощение какое приготовили! (*Облизывается*). Никто голодным не остался! Всего досыта было! Ещё и осталось...

Гутя (*смотрит на фотографии в комнате, разговаривает с ними*). Хорошая у нас родня, вы бы порадовались за них! Умные! Красивые! На вас похожие!

Баба Вера (*удовлетворённо*). Хорошая родня! Скоро ещё прибавления ждать! Придёт время, прорастёт и семья! (*Подмигивая*). Я слыхала, как Галинка Флюре-то советовала. Ты, баэт, пол ребёнка-то не узнавай наперёд, пусть секретиком будет, у меня, говорит, две девчонки подрастало, а потом – бац! Пацан! Радости-то было!

Гутя. Дети – завсегда радость! Только ими и живём! Об их и думаем, да ещё об внучатах!

Баба Вера. Ребятёшки-те наши, Мишутка с Мариком, вроде, сдружились, ак у меня от сердца отлегло. Я ведь, нали, спать не могла... На вот, девки пляшут! В своей родне рассорка! А как в миру с людьми-то жить, если в семье не научиться?

Гутя. Дерись, бранись, а за своего держись. (*Качает головой*). Ведь братья! Родня! Свой своему поневоле друг. Не нами сказано. Вот ведь, маленькие все хорошие были...

Баба Вера. Я так думаю: в садике ребятёшки самые хорошие! Вот люди они там настоящие! Ни по национальности не делятся, ни по деньгам, ни по здоровью! (*Трёт себе поясницу, поворачивается из стороны в сторону, разминается*). Играют! Живут! Смеются!

Гутя. Ты возле них, пожалуй, душой-то и не очерствела. Всех любишь, прощаешь, понимаешь!

Баба Вера (*разводит руками*). Так-то так, да ведь и без строгости нельзя! Кто детям потекает, тот потом слезу проливает...

Гутя (*кивает*). Так оно...

Баба Вера выходит в коридор, потом возвращается с тяжёлыми грубыми ботинками и тряпкой.

Баба Вера. Ух, тяжелушие! Внучок, Марик, оставил ботинки-те здесь... Совсем хотел выкинуть... На вот, девки пляшут! Вещь хорошая, новая, я вот и подобрала... (*Расшнуровывает один, другой подаёт сестре, та неспешно вытягивает белый шнурок, меняет его на чёрный*). Шнурки сменим на чёрные, у нас есть неновые, правда, из лыжных ботинок, но они крепкие покамест. Митюшке или Сергуне оставлю осенью картошки копать... Приедут ведь к баушкам, как думаешь?

Гутя. Приедут! А у них и обувь готова! И шнурки не маркие...

Баба Вера (*Вытирает тряпкой*). Ботиночки-то крепкушие, грязи и сырой погоды не боятся...

Гутя. А Павлик-то сыну плетёнки купил, лёгкие, в самый раз по жаре бегать. Вроде, помирились они?

Баба Вера. Как не помирились! Марик-то понимает, небось: на свете всё найдёшь, кроме отца и матери. Хотя долго Павлушке ещё оправдываться придётся, что эдак-то поступил...

Гутя. Мария сказала, она вычитала в этом... Как его? В Интернете... *(Припоминает)*. Ничто не сохнет так долго, как подмоченная репутация!

Баба Вера. Дак правильно сказала. *(Заканчивает перешнуровку, оставляет ботинок, поправляет слуховой аппарат, который опять посвистывает)*. Сколь Галинка с ребятёшками одна валандалась! Детишек воспитать – не курочек пересчитать!

Гутя *(задумчиво)*. Всё поменялось на белом свете... Не узнать Павлушку прежнего...

Баба Вера *(вновь поправляет слуховой аппарат)*. Во времена Брежнева? Так тогда он молодой, горячий был! Как это Сима справлялась с ним? *(Забирает у сестры второй ботинок)*. Ну, и куда их поставить?

Гутя. В сарайку отнеси, на полку.

Баба Вера *(прислушивается, слуховой аппарат вновь посвистывает)*. На прополку? Ага! Тоже хорошо, чтоб ноги не сбивать! *(Озорно подмигивает сестре, торжественно уносит ботинки на вытянутых руках, напевает)*.

Мы – красные кавалеристы, и про нас

Былинники речистые ведут рассказ,

О том, как в ночи ясные,

О том, как в дни ненастные,

Мы гордо, мы смело в бой идё-о-о-ом!

Гутя *(грустно смотрит ей вслед и снисходительно улыбается)*. Повлияли на бабку внуки, повлияли... *(Вздыхает, разводит руками)*. Дети реформ...

Занавес